

Игорь Шестков "Вторжение"

В Т О Р Ж Е Н И Е

Вторжение

Первые боевые машины десанта вошли в Берлин в субботу, шестого декабря 2014 года. Ехать им было недалеко — военно-транспортные самолеты доставили их на заброшенный аэропорт Вернойхен, находящийся в двенадцати километрах от границы Берлина, бывшую советскую военную базу. Двадцать перегораживающих взлетную полосу полуметровых резиновых конусов-заграждений, прикрепленных к бетону шурупами, были заблаговременно убраны путинскими агентами, приехавшими в Вернойхен на двух микроавтобусах из Берлина за четыре часа до приземления первого Ил-76 в среду. Они же помогли новоприбывшим занять круговую оборону, снабдили их картами и оперативной информацией. Никто на вторгнувшихся впрочем не нападал. Даже полиции не было рядом, только с десятков прибежавших на шум вернойхенских мальчишек и два тамошних вьетнамца смотрели, открыв рты, на вылетающие из утроб ревущих самолетов нелепые гусеничные чудовища с зачехленными еще пушками и на похожих на роботов, недружелюбных высоких солдат в странной, плохо сшитой форме.

В ближайшие три дня было совершено около сорока посадок на Вернойхене, русские спрятали свои боевые машины в старых ангарах, разбили палаточный лагерь, а затем, убедившись в отсутствии немецких войск, сформировали несколько колонн, проломив танками невысокую земляную стену в ближнем к Берлину конце взлетной полосы и покатали по дороге 158. У станции Аренсфельде они свернули на одноименную улицу и направились по кратчайшему пути к центру города. Проехали и мимо моего одиннадцатизэтажного дома на Фалькенбергер шоссе. Никакого сопротивления никто им не оказывал и по пути в центр. Наоборот, я заметил группы берлинцев, стоявших на обочине и приветливо махавших руками высунувшим

из люков свои шлемастые головы механикам-водителям. Некоторые кидали в сторону тяжело рокочущих и пускающих в воздух сизо-черные фонтаны выхлопов машин цветы. Откуда они их взяли? Цветочные магазины были давно закрыты. Кто они, эти предатели? Немецкие левые, так до сих пор ничего и не понявшие? Зеленые? Бывшие агенты ШТАЗИ? Путинские засланцы? Или российские немцы и их русские жены, которых Германия впустила, чтобы хоть как-то расово компенсировать растущую турецкую популяцию?

Одна бабушка танцевала на дороге от счастья и кричала так громко, что я слышал ее слова на своем седьмом этаже: Сынки, сынки, ехайте, ехайте, мы вас тут заждались, будет теперь и у нас жизнь!

Веселую эту старушку я несколько раз видел в магазине Кайзер. Она покупала там сигареты, вино и закуску. Однажды худенькая застенчивая продавщица-немка, видимо подрабатывающая студентка, вежливо попеняла ей на то, что та не оплатила килограммовый кусок копченой колбасы (не положила ее на движущуюся дорожку, а оставила в руке). Старушка видимо испугалась, что ее оштрафуют, и разохалась: Верцаен, верцаен, фрау феркойферин! Ик бин дура старая! Никс мер, нимальс!

А отойдя от кассы прошипела: Фашистка проклятая! Шоб ты сдохла, и чтобы твои дети-фашисты подошли!

Вслед за десантными частями к Берлину подкатили и подоспевшие из Польши мотострелковые дивизии — началось полномасштабное вторжение.

...

Я не верил ни Меркель, ни Обаме, ни НАТО.

Постаревшая, усталая канцлерша так привыкла молоть языком и ничего не делать, что не была способна ни на какие поступки, Обама показал себя за годы президентства слабаком, грозный североатлантический альянс НАТО, как выяснилось, просто не существовал, был игрой воображения. Американцы, очевидно, не хотели умирать за Европу. А самостоятельно Старый континент, долго не воевавший и расслабившийся, раздираемый эгоизмом монополий и влиятельных кланов, не был способен защитить себя от полчищ новых гуннов. Оружия и солдат у Европы было более чем достаточно, но не было ни воли, ни мужества решительно противостоять наглому агрессору. Французский президент

и английский премьер публично заявили, что – ни при каких обстоятельствах не будут применять своего ядерного оружия. То же самое провозгласил в обращении к американскому народу Обама, только сформулировал более обтекаемо.

Россия, проиграв – гибридную войну Украине, 20 сентября потеряла и отобранный ранее у соседки Крым. Загнанный в угол Путин нажал на ядерную кнопку. 21 сентября Киев и Львов были уничтожены тактическими ядерными ракетами. После этого Россия предъявила Украине и Западу свой «воскресный ультиматум». Политики свободного мира, не привыкшие к ответственным решениям, метались в истерике или просиживали штаны на бесполезных совещаниях, граждане тряслись от страха. Мировая финансовая система рухнула 23 сентября, этот день вошел в историю как «черный вторник». Американские военные покинули Германию (это было одним из условий Путина), Шестой флот уплыл в Майами. Началась паника. Хорошо обеспеченные немцы бросили свои дома и фирмы и — кто как мог — полетели или поплыли в Англию и в Новый Свет.

...

Несчастливая Украина после ядерного удара братского народа безоговорочно капитулировала, и русские войска за несколько дней растеклись по ней, как синие чернила пятьдесят лет назад по моему письменному столу из выпавшей из неловких детских рук баночки. Беззащитное население мужественной страны попало в лапы путинской солдатни. Начались массовые убийства, пытки, изнасилования и грабежи. Особенно свирепствовали проигравшие свою войну и жаждущие реванша донецкие и луганские «сепаратисты», великодушно отпущенные Порошенко в Россию.

Не сопротивляющихся украинских военных, участников Майдана, энтузиастов и патриотов Украины русские, предварительно подвергнув чудовищным пыткам, перебили поголовно уже в первую неделю после капитуляции. Мужчин от двадцати до шестидесяти лет загнали в концентрационные лагеря, где приступили к их систематическому уничтожению непосильной работой и регулярными избиениями. Детей отобрали у матерей и отправили в детские дома России — на «перевоспитание в традициях великой русской культуры». Женщин

постарше заставили работать на фабриках и шахтах в условиях сталинских трудармий. Украинских девушек продали в московские и арабские бордели. Мальчиков от семнадцати до девятнадцати лет забрили в путинскую армию. А пенсионерам не платили пенсию, в надежде на то, что они, как выразился помощник Путина по национальному вопросу Глинов, «подохнут сами». Обо всех этих ужасах я узнал из передач независимого украинского радио Надія, вещавшего на коротких волнах из Лондона.

...

Белоруссия отдалась России раньше всех. В немецких новостях показали, как коленопреклоненный Лукашенко вручил светящемуся как божество Путину символические ключи от Минска, пожирая его слезящимися глазами.

В начале октября российская армия, пополненная миллионами добровольцев и резервистов начала дальнейшую экспансию. А к концу месяца путинцы уже хозяйничали в оккупированных почти без боев Молдавии, Румынии, Болгарии, Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Словакии, Чехии, Грузии, Азербайджане и Армении. Русские меньшинства в этих странах передались врагу.

В Венгрии и Финляндии русские неожиданно напоролись на партизанское сопротивление. В Кремле серьезно обсуждали вопрос о ядерной бомбардировке Будапешта и Хельсинки, но не торопились с решением.

На Востоке доблестные российские войны взяли Астану (одетый в расшитый золотом халат Назарбаев встречал Путина хлебом и солью, подарил ему рыжего жеребца, что не спасло его однако от ареста, побоев и позорной казни) и начали дальнейшее продвижение на юг и юго-восток... намереваясь – омыть русские сапоги в Индийском океане до того, как это сделает с китайскими сапогами Большой брат из Пекина, с которым Путин поспешно заключил мир на тысячу лет, скрепив его тайной передачей Китаю половины Хабаровского края.

Председатель Си Куй, подписывая документ, держал, как его научили советские студенты во время обучения в МГУ в далекие пятидесятые годы, за спиной фигу.

В начале ноября Путин отдал приказ стереть с лица земли «непотопляемый авианосец Америки» — Японию, что и было с удовольствием исполнено его генералами. Московские интеллигенты-монархисты ворчали, мстительно

щурясь: Это им за Порт-Артур и Цусиму.

...

Власти ФРГ даже после передислокации российских войск к восточным границам Германии не хотели публично признать то, что вторжение неминуемо. Частное телевидение трансляции прекратило, обличать политиков было некому. Вещали только первый и второй каналы. Дикторы, комментируя новости, кривили рты и краснели. Они знали, что врут народу в лицо и думали только о том, как бы поскорее самим убраться отсюда. Кроме новостей каналы транслировали старые комедии и развлекательные программы.

После уничтожения Японии миллионы немцев набили свои тачки барахлом и рванули на Запад, в надежде как-то пробиться и дальше — за океан.

Гражданские самолеты уже не летали — русские диверсанты, которыми кишела Европа (усердно принимавшая их как беженцев) испортили оборудование аэропортов, перерезали кабели, взорвали подземные хранилища с горючим.

Военные самолеты никто и не думал поднимать в воздух.

Швейцария и Швеция закрыли свои границы для беженцев, и объявили о нейтралитете. Надеялись, что длинная рука Москвы их не достанет.

Последующие события показали, что зря.

В Австрию никто не бежал, потому что еще пятого ноября российские войска заняли Вену. В прошлом матерый антисоветчик, писатель Леонид Калошный уехать из австрийской столицы не успел и был первым венцем, повешенным путинским военным трибуналом на Ратушной площади «за слово-преступления против бывшего отечества». Калошный вел себя мужественно и перед казнью крикнул карателям: Всех не перевешаете!

...

Некоторые немцы успели проскочить через Бреннер в Италию и пытались взять там билет на корабль. Или купить катер. Или шлюпку. Часть из них умудрилась доплыть на небольших суденышках до африканского побережья. Власти Ливии, Египта и Туниса встретили беженцев не так, как европейцы еще недавно встречали у своих берегов тысячи африканцев, приплывших в Европу в погоне за лучшей жизнью — они приказали своим войскам открывать по ним огонь на поражение из крупнокалиберных пулеметов (поставленных им европейцами же

для «борьбы за свободу»), а трупы выбрасывать в море, на съедение рыбам и медузам.

Турция объявила о поддержке «новой политики России» и о желании долгосрочного с ней альянса – «для поддержания мира и благосостояния в Европе, Малой Азии и в акватории Черного и Средиземных морей». После чего оккупировала Грецию, Албанию и страны бывшей Югославии и начала там резню.

Иран завоевал Ирак, Сирию и оставленную американскими войсками Саудовскую Аравию.

Между Индией и Пакистаном началась война, грозящая затянуться на десятилетия.

Вьетнам оккупировал Лаос и Камбоджу.

Израиль затаил дыхание, потому что почувствовал, что мусульмане вот-вот бросятся на него со всех сторон, как стая голодных волков и раздерут его на части. Знали израильтяне и то, что их атомное оружие уже не остановит арабов, а от поджавшей хвост Америки и валяющейся у Путина в ногах Европы помощи не будет.

Что делала армия ФРГ с конца сентября, когда все уже стало ясно, по начало декабря, когда началось вторжение, мне неизвестно, предполагаю, что офицеры и солдаты, поняв, что политическое и военное руководство страны не собирается сопротивляться русским, просто разошлись по домам, побросав оружие.

...

Жить в Берлине стало трудно. Больницы не работали, их персонал разбежался, оставив больных на произвол судьбы. Аптеки были разграблены. Университеты, школы, детские сады и музеи закрылись. Газеты и журналы перестали выходить. Интернет, телефоны и мобильники были отключены. Метро закрылось, трамваи и автобусы не ходили.

Несмотря на то, что большинство жителей покинуло Берлин, на улицах нередко возникали массовые этнические драки, оттуда доносились непристойная ругань и хлопки выстрелов. Кое-где валялись трупы животных и людей.

В пятницу, пятого декабря по Берлину еще можно было проехать на городской электричке.

Редкие, еще работавшие продуктовые магазины напоминали в этот последний перед вторжением день своей пустотой — московские универсамы времен поздней перестройки. В них принимали «новую марку», пародию на старую добрую немецкую валюту, введенную вместо евро в конце сентября. За хлебом и молоком стояли длинные очереди. Кассовые аппараты не работали, покупатели платили наличными. Никаких овощей или фруктов, мяса, рыбы, сыров, колбас, творога, йогурта и прочих прелестей не было в продаже с конца сентября.

Иногда выбрасывали какую-то вонючую малосъедобную соленую рыбу.

Кофе, сигареты и шнапс можно было купить только на черном рынке в обмен на золотые монеты, цепочки и кольца. Серебро не котировалось. Пачку сигарет можно было обменять на теплую зимнюю куртку, сто грамм кофе — на добротные ботинки или сапоги. За игрушечную бутылочку водки можно было купить ночное блаженство с тремя проститутками-азиатками или с одной немкой. Невероятно высоко ценились карманные приемники, фонарики, батарейки, туристические ножи, спальные мешки, все виды огнестрельного оружия, противозачаточные пилюли и презервативы.

Электричество выключили, из кранов перестала литься вода, батареи парового отопления начали остывать. Питьевую воду люди качали в ведра на колонках, построенных в нашем районе предусмотрительными гэдээровцами на случай нападения на них «агрессивного блока НАТО».

...

Я ходил к колонке с двумя ведрами и поднимался потом на седьмой этаж (лифт не работал), делая минутные паузы на каждом этаже. Пытался успокоить бешено колотящееся в груди и висках сердце. Дома фильтровал воду, кипятил ее на спиртовке, непонятно как пережившей все мои переезды, бросал в прозрачный стаканчик четверть чайной ложечки кофе и столько же сахарного песка, осторожно мешал его стеклянной ложечкой и пил маленькими глотками.

Мне было ясно, что долго я не протяну, мы все не протянем.

Я понимал, что русские скоро найдут меня и убьют, как убили уже десятки тысяч недружественных им граждан стран бывшего Варшавского договора. Слишком часто я последние восемь лет, не скрывая имени и адреса, называл их кумира — вором и убийцей, плешивым карликом, подонком, а любящий его

народ — безмозглым стадом, быдляком, сталинскими ублюдками.

Вспомнят тебя, когда достаточно награбят, найдут в списках и прикончат, — говорил я себе, наблюдая из окна за движением российской техники.

Прикончат, прикончат! Как же хорошо, что я отправил Марику к сыну в семью! Плышет, наверное, в Америку на роскошном теплоходе, на дельфинов смотрит и мороженое ест. А я, как видите, приплыл назад в СССР. Стоило ли уезжать тогда, в девяностом, из горбачевской Москвы, чтобы оказаться в 2014-м в путинском Берлине! Ну, здравствуйте, бэтээры и черные маруси, приветствую тебя, колючая проволока, бонжур, топтуны, парткомы, сексоты, Лубянка! Как же я вас всех ненавижу! Почему я не уехал с Марикой?

Не уехал, потому что не хотел больше бегать как заяц по всему миру. От них. Набегался уже. Потому что ее сын заявил мне, что возьмет к себе только старуху мать, без ее русского сожителя.

Убьют, значит убьют. Подохну, значит подохну.

Совсем уж неподготовленным к лихолетью я не был. Я ведь все уже в августе понял.

Понял, что победа Украины обернется для всех нас катастрофой, что беда придет и сюда, в кажущийся таким стабильным и безопасным немецкий мир... что Путин будет мстить за отобранный Крым, за развал СССР, за санкции. Не потому, что он силен, а потому что позорно слаб. Но его экономическая слабость — ничто перед импотенцией Европы, перед нерешительностью обамовской Америки. Державный глист почувал, что пришел его час. Ядерные грибы на Украине до смерти испугали Запад, а уничтожение Японии окончательно парализовало его волю. Наступил долгожданный закат Европы — звездный час воблоглазой гадины.

Начал готовиться к предстоящему испытанию. Потратил кучу денег на покупку ящичка маленьких синеньких бутылочек шнапса (на обмен), четырехсот килограммов концентратов и консервов, почти полутонны сухарей, фильтров для воды, пяти килограммов сухого спирта, сотни рулонов туалетной бумаги. Врезал два дополнительных замка, укрепил входную дверь стальными стержнями, купил самурайский меч, пневматический пистолет и копию средневековой алебарды.

...

Техника прошла и шоссе опустело.

Редко-редко по нему пронеслись шальные мотоциклисты с зелеными знаменами. Они кричали – Аллаху акбар, поднимали передние колеса и неслись на задних.

Пошел за водой. В очереди к колонке томились человек двести. Люди стояли молча, вздыхали, кряхтели, переступали с ноги на ногу. Получил свою воду и потащился на седьмой этаж. Опять сердцебиение, потный страх смерти, пустота и безнадежность.

Перед сном выпил еще раз свой фирменный кофе и съел сухарик. Лег спать, не раздеваясь, укрылся тремя одеялами и заснул.

Проснулся я около трех часов ночи от страшного грохота и удара, потрянувшего наш дом как землетрясение. Доблестные русские войны саданули по дому из установки – Град, которую уж не знаю как затащили на крышу Кауфхауза на Александерплатц. Пробили дыру в бетонной стене соседнего подъезда, убили двух пенсионеров и сожгли их квартиру и квартиры их уехавших соседей.

Стрелять по городу иваны начали в два часа ночи, может быть перепились на радостях, или получили приказ – пощекотать немчуру.

Пощекотали на славу. С третьей попытки попали в купол здания Бундестага, обрушили Бранденбургские ворота и американское посольство, долго палили по телебашне, которая не хотела падать, несмотря на несколько прямых попаданий. Когда башня наконец рухнула, то чуть не накрыла стрелков своим полосатым кончиком.

Я не знал, что делать, спускаться ли в подвал... остался дома назло всему, согрел воду, выпил еще один стаканчик кофе и съел еще один сухарь.

Заснуть так и не смог, по улице носился туда-сюда какой-то джип без номеров и ревел сиреной. Не удержался, встал, укутался одеялами как мексиканец и открыл окно.

Темь, звезды как золотники, воздух свежий... только порохом пахнет. На горизонте — зарево. Вокруг сберкассы и магазина велосипедов какая-то подозрительная кутерьма, наверное грабят.

Опять лег в кровать. Некоторое время слышал только буханье – Градов. Затем с

улицы донеслись сухие щелчки автоматных выстрелов, слышались матерные крики... топот погони... звук падающего тела... рыдания, мольба... еще выстрелы и нечеловеческий вой.

Сердце сжалось... и тут что-то блеснуло фиолетовой молнией, взорвалось... как мне показалось, прямо в спальне. Чудовищная сила подняла меня и бросила как мячик в потолок. Я ударился подбородком... почувствовал, как хлынула изо рта кровь... потерял сознание.

Пришел в себя только через несколько часов. Невыносимо саднили прокушенный язык и ямки от выбитых зубов. Раскаленной металлической струной тянуло что-то в позвоночнике. Ныли колени и ступни. Заставил себя встать и осмотреть квартиру.

Все оконные стекла были разбиты, двери (в том числе и входная) выбиты, книжные шкафы размолены в труху, наружная стена в кухне отсутствовала, часть стены в гостиной беспомощно, как удавленница, висела на улице, шмотки разодраны, а мои припасы, моя гордость, почти полностью уничтожены.

Выметены на улицу свинцовой щеткой великана.

Я осушил единственную уцелевшую бутылочку водки и забился в противоположный от окна угол самой маленькой комнаты нашей квартиры, навалил на себя побольше тряпок и так встретил рассвет.

Утром, в очереди за водой, знакомые жильцы рассказали, что по всему городу идут погромы, что русские насилуют и убивают и женщин и мужчин, что изверги бабахнули по нашему дому из гранатомета у церкви, убили мою соседку по лестничной клетке, кривобокую старую румынку, которую я недолюбливал за вечное ворчанье, и ее черного кота.

Весь день я бродил как леший по нашей уничтоженной квартире, по которой носился снежный сквозняк... с изумлением смотрел на скрюченный мертвый монитор, на разломанные стулья и столы, обгоревшую репродукцию – Рыцаря Дюрера, выданный из старинных часов циферблат, зеленую пуговичку, сломанный карандаш, матовый осколок лампы, фотографию дочери с дыркой посередине... искал меч и алебарду.

Пытался понять, откуда эта подметка, с Марикиных заношенных ботинок или с моих любимых желтых башмаков, читал какую-то изодранную, грязную книгу и

спрашивал себя снова и снова, кто же ее автор, и так и не смог догадаться, что это моя «Африка». Вечером за мной пришли два солдата с автоматами...

Я люблю тебя, жизнь

Один из них, двухметровый бугай, был рядовым, другой, тоже не маленький, офицером, старшим лейтенантом. Я стоял перед ними, завернутый в одеяло, в руках у меня были подметка и книжка.

Бугай ткнул мне в живот дулом «Калашникова» и сказал: Хорош попугай! Тебя как звать, рожа гнойная? Покаж аусвайс, гниляк!

Я назвалса после мучительного усилия. Немецкий паспорт лежал у меня в кармане. Но я не мог вспомнить, где карман и что это вообще такое, аусвайс. Горный цветок с ватными лепестками? Я никак не мог понять, зачем он понадобился российскому солдату. Закопался. Положил, наконец, теплую от моих рук подметку и книгу на пол и неожиданно понял, что это не подметка, а мой пляжный тапочек, купленный в Бельгии, после долгой прогулки по песчаному июньскому пляжу с моей тогдашней подругой. Как же ее звали? Не помню, помню только ее мягкие груди и шелковый живот. Вынул пластиковую карточку, показал.

Старлей ситуацию упростил: Не трясись, урод. Ты нам живой нужен. Ботинки зимние есть? Портки, рубашка, куртка, шапка? Посмотри, Петро, его чуть не завалили. Все в кашу... артиллеристы бя!

Так много слов я осилить не смог. Ничего не сказал, застыл, как ящерица.

Старлей нахмурился.

— Деда кажись контузило, вишь, молчит как дохлая вошь. Может он и не подойдет, опять они там в конторе нахимичили. Химики херовы.

Бугай был нетерпелив. Он ударил меня тяжелым кулаком сзади в бок. Я успел расслышать: Сейчас мы его оживим.

Огненная струна в позвоночнике натянулась как тетива лука и лопнула. Мне

показалось, что меня разорвало болью на части. Позже я узнал, что удар по почкам был фирменным блюдом – для гниляков бугая Пети, которого старлей звал Петро. Этот удар не убивал, он был хуже смерти.

...

Очнулся я в полутемном высоком подвале, за решеткой, на широком деревянном поддоне... на каких устанавливают ящики для погрузки и транспортировки. Под грязным потолком висела мигающая на одном конце синеватая неоновая лампа, освещающая подвал неестественным стробоскопическим светом. Позвоночник болел умеренно, язык больше не свербило, но голову я повернуть не мог.

Ко мне подошел пожилой человек в темном пальто... он поднялся со своего поддона метрах в двух от моего... заглянул вопросительно мне в глаза и протянул мне бутылочку кока-колы.

— Хлебните. Тонизирует и помогает не отчаиваться.

Я машинально взял бутылочку, но пить не стал... не смог... поставил бутылочку на поддон.

— Где я?

— Вы будете смеяться, но Сара...

— Это что, ад?

— Не совсем. Это склад. Ящики.

Он показал мне рукой направо и налево — я разглядел огромные штабеля.

— Да-да, именно с кока-колой. Мы находимся на фабрике-производителе этого убийственно диабетического продукта, в который раньше добавляли кокаин. Мы

— это вы, я, Борис Каневский, к вашим услугам, и Марик, Марк то есть, вон там, слева от вас. На своем поддоне возлегает, как Диоген. Дрыхнет мальчик, после неприятного разговора с Петяшей. Вы кажется с этим милым представителем современной России тоже близко познакомились. Он вас сюда и притащил. Как матерился... Кстати, а как вас звать-величать, позвольте узнать?

— Антон... Розен... Простите, не помню, надо в паспорт заглянуть.

— Не трудитесь, Антон, аусвайсы наши у них. Погодите, погодите, вы тот самый Розенмейер, который в ЛЕ, у литературного власовца Б-ва рассказы публикует? Читал, читал, как же... Зачем же вы им понадобились?

— Не знаю. Я с жизнью простился, когда солдат увидел. В наш дом, знаете ли,

граната попала, всю мою квартиру разнесло... меня головой о потолок ударило... поэтому я... как будто в страшном сне.

— Вся Европа в страшном сне.

Тут в наш разговор вмешался Марк: Господа теоретики, вы тут интеллигентским кокетством занялись, это конечно похвально, но они возможно сейчас сюда придут... и нас в расход! Из бесшумного пистолета. Надо что-то делать, как говорил крановщик перед тем, как кран опрокинул.

Борис поднял длинный указательный палец: Слышите, «Градов» вроде больше не слышать, стало быть они от стадии разрушения перешли к стадии созидания! А для этого им нужны люди. Вот они нас и арестовали.

Марк засмеялся и заговорил язвительно: Как бы не так! Вы, гражданин Каневский, романтически настроенная личность. Евреи тоже так думали, когда их в Собибор отправляли. На работы, мол, поедem. Посмотрите на вещи трезво. Вы — собиратель марок, пенсионер и меланхолик. Розен, или как его, короче святой Антоний — писатель, болтун, такая же бесполезная как вы личность. Сплошная экзальтация. Извините, Антон, не обижайтесь, у нас тут тон вольный, потому как осталось нам все равно не много, чего уж теперь политкорректничать. Я — еще хуже вас обоих. Скрипач без скрипки. Поэт. Человек, живущий непонятно на что и непонятно зачем. Радикально лишний, и в России, и тут, и в джунглях Амазонки, в которых правда не бывал... Нет, тут что-то другое, мы им не для работы нужны, тут явно пакость какая-то затевается.

— Марк, вы гений. Так и есть... Погодите... Я по образованию физик, Антон, вы что заканчивали?

— Керосинку.

— Ага, а вы, Марк?

— Ничего не закончил, зато два раза начинал. Уже тут, в Германии, археологом хотел стать и дизайнером... все провалил как дядя Ваня.

— Не печальтесь, у вас все еще впереди. Или позади, что тоже неплохо. Однако, вот незадача. Никак мы в один узел не вяжемся. Давайте вместе подумаем, что у нас общего? Таак... начнем с главного... мы мужчины.

Марк прыснул в кулак и заметил: Ну это еще надо доказать.

Борис сделал вид, что не расслышал реплику Марка, и продолжил: Мы

эмигранты из бывшего СССР.

Пришлось вмешаться: Я уезжал не из бывшего, а из самого еще настоящего Советского Союза. Было, знаете ли, такое государство рабочих и крестьян. Гречку продавало гражданам. И сгущенку раз в квартал.

— Хорошо, хорошо, помним. Мы все оттуда. Все приехали по еврейской линии. Ага, вот оно — мы типичные иммигранты-евреи. И они действительно чего-то от нас хотят... Чего?

— Я еврей наполовину, а вы, Марк?

— На две трети.

— Так не бывает.

— Бывает. На свете все бывает, бывают евреи на две трети и на четыре, а бывают только на одну. Терпеть не могу этнического сюсюканья.

...

Утром пришел бугай Петр, выдал нам шесть бутылочек Колы и грамм шестьсот немецкого черного хлеба. Сводил в туалет. Подождал нас у выхода и отвел назад в клетку. Запер. Прежде чем ушел, заметил многозначительно: Сегодня, гниляки, вас ждет камуфлет. И посмейте только закукарекать или рожи скорчить, пришибу!

Борис еле слышно прошептал: Кишен тохас.

Зашел и старлей, раздал нам зубные щетки, мыло, полотенца и отвел в душ.

Попросил поторопиться. Попытку Бориса втянуть его в разговор пресек решительно. Сказал, что придет через двадцать минут и повезет нас подышать свежим воздухом.

— На экскурсию! Форма одежды парадная, — пошутил старлей и нехорошо улыбнулся, показав залезшие один на другой передние зубы.

Борис сострил: На экзекуцию?

Марк парировал: На эксгумацию. Слюнявчик прихватите, господин Каневский, а то горлышко простудите... Камуфлетец случится изрядный!

— Зубные щетки выдали, значит, сегодня не расстреляют, завтра же покрыто мраком неизвестности, — заметил Борис, вздыхая.

— Не завтра, так послезавтра. Для того и выдали, чтобы успокоить, а сами... пиф-паф... из бесшумного пистолета... и вы в раю, геноссе – Если-кто-то-кое-где-

у-нас-порой.

— Вечно вы язвите, а у самого небось штанишки мокрые.

— Зато у вас они всегда сухие.

Обнаружил на краю поддона мою верхнюю одежду, зеленую куртку мешком, черную вязаную шапку, кожаные перчатки и тяжелые зимние ботинки, которые мы с Марикой купили прошлой зимой в Линденцентре на распродаже. Наташил все это на себя... и провалился в прошлое. А там все розовое. Розовая Марика хохочет и тащит меня в дурацкий магазин. Я надеваю розовые ботинки на розовые ноги.

Где-то ты теперь моя бедная старушка? Хоть бы какую весточку получить. Что, если не успела на корабль и застряла во Франции? Может, французы тебя назад в Германию вытолкали, и ты бродишь где-то в Шварцвальде бездомной сукой? Милая моя, жизнь с тобой была такой скучной, а без тебя так тяжело.

...

Старлей и Петя отвели нас к выходу из подвала. Там ждал военный джип с пулеметом на крыше. Всезнающий Марк пробурчал: Батюшки, Тигр!

Бугай услышал и откликнулся: Молчать, Штейн! Горб продырявлю.

Вот оказывается, какая у Марка фамилия. Ювелирная.

Почему горб? Ах да, Марк сутулый, как все худые высокие евреи. На вид Марку лет тридцать... носатый... глаза печальные, как у пса... до боли знакомый тип.

Моя противоположность.

Нырнули в пахнувшие русской казармой недра Тигра. Старлей сел за руль, бугай Петя — рядом с ним. Помчались. Через узкие боковые окна мало что можно было разглядеть. А вид вперед загораживала огромная спина бугая в камуфляжной куртке. Видели только огонь, обоняли гарь... слышали редкие взрывы.

Через полчаса Тигр остановился. Мы вышли. И очутились перед воротами Мемориала советским войнам-победителям в Трептов-парке. Марк заметил индифферентно: Удобное место для расстрела. Можно тут же и закопать.

Петя опять взорвался: Не бзди, тебя к героям не положат! У нас для гниляков другие места найдутся. На мусорке.

Затем наставил на нас автомат и сказал: Ну все, поперли, жида. Шевелите

ластами!

Мы пошли сквозь ворота. Моим друзьям по несчастью было явно не по себе.

Боря грыз от страха ногти, странно дергался и покашливал. Марк смотрел вниз, сутулился и играл желваками. Мне было все равно.

Дошли до первого монумента. Скорбящая Родина-мать... С длиннющей косой на голове. Как у Тимошенко. Там нас ждал человек с камерой. И два солдата. У одного на плече висели два гранатомета, подствольный, немецкий и наш родной, РПГ, легендарная «семерка», с которой нас познакомил на занятиях по военной подготовке подполковник Яблоков, у которого ужасно пахли ноги и часто шла из носа кровь, у другого несколько упаковок-мешков с гранатами.

Старлей раздал нам зачем-то черные береты солдат танковых войск бундесвера, приказал надеть и скомандовал оператору: Бери группу жидов в кадр! Рожи снимай, чтобы потом узнать можно было. А вы не лыбьтесь, козлы, тут вам война, а не гулянки!

Потом взял у солдата немецкий подствольник, вручил Борису и гавкнул: Целься в памятник! Не бойсь, не заряжен... Камера, бери в кадр жида с пушкой! Рыло покажи и палец на спуске и фигуру. Заснял? Хватит. Теперь остальные. Штейн, бери гранатомет! Так... У этого паяльник крутой, бери в кадр, подчеркни горб. Хватит. Теперь ты, жирный, давай, быстрее. Ухо крупначом, как у Баниониса. Так... Хорошо, теперь делом займемся.

Старлей отдал немецкое изделие солдату и взял родной РПГ, зарядил его кумулятивной гранатой, глянул в прицельное устройство, протер его, передал гранатомет Каневскому и приказал: Ну, дядя, давай, лупи вон по солдатам. Ну, по памятникам, козел. Выбери одного и лупи. А не выстрелишь, так тебе больше не жить. Петро, целься ему в затылок. На размышление даю двадцать секунд. Объектив, приготовься, и жида, и знамя бери. Начинаю отсчет. Двадцать, девятнадцать...

Несчастный Борис поднял на счет десять тяжелую железную дудку с кеглей на конце, беспомощно дернулся несколько раз, закрыл глаза и так, вслепую, выстрелил. Граната попала в правый треугольник, взрыв был сильнее, чем я ожидал. Статуя скорбящего солдата не пострадала, только верхушку гранитного знамени откусила граната. Старлей внимательно просмотрел заснятые

оператором кадры, что-то ему сказал, тот закивал. Борису пришлось стрелять еще два раза. Потом гранатомет взял в руки сам старлей. Ухитрился сбить правую статую с первого выстрела. Оператор снимал только взрыв.

Второго солдата и знамя за ним снес четырьмя выстрелами Марк. Когда он стрелял, в его лице показалось что-то библейское. Скорбь и покорность судьбе. Затем все пошли к площадке между поверженными знаменами. Оттуда предстояло стрелять мне. По солдату с девочкой на руках.

Одно дело смотреть на других, другое — палить по памятнику самому. После того, как Бугай приставил дуло автомата к моему затылку, я попытался сосредоточиться. Собрал в себе все разбросанные по углам сознания советские гадости и мысленно вложил их в эту фигуру с оловянной рожей повара... камера шарилась по моему лицу... Я прицелился и выстрелил. В глаза мне плюнуло дымом и огнем. Отдача была не сильна.

Старлей посмотрел в бинокль и засмеялся. Подал бинокль бугаю. Тот тоже заржал. Бедный бронзовый солдат все еще стоял на своем зиккурате... в шинели, с дочкой советского коменданта на руках и огромным мечом... в животе его зияла неправильной формы дыра.

Немцы называли его – Памятник неизвестному насильнику...

Дальнейшую работу доделали за нас старлей с бугаем. Не без азарта.

Сопровождали пальбу комментариями: По деду с гранатой! А я по бабе с автоматом, прям по сиськам! Я по Минину и Пожарскому! А по Ленину на знамени, по бороденке. Я по танку! А я по городу-герою Ленинграду, чтоб ему, у меня там часы с руки сняли! Швейцарские.

Через полчаса все фигуры и барельефы с цитатами Сталина лежали в руинах.

Последней гранатой бугай хладнокровно снес с постамента Родину-мать. После чего защитники православного отечества распили бутылку водки из горлышка.

Мы безмолвно стояли в стороне.

По дороге на фабрику, в Тигре, бугай пел хриплым голосом песню – Я люблю тебя, жизнь – и громко рыгал перегаром.

...

На ужин мы опять получили Колу и хлеб.

После еды Борис заговорил: Ну теперь все ясно... Нам каюк. Мы теперь изверги

рода человеческого. И все готово для протокола. Видео, признание. Еврей-террористы в немецких беретах. Фашисты. Покусились на самое дорогое. А у меня между прочим Паркинсон.

Марк утешил: Погодите, то ли еще будет. Сегодня Мемориал грохнули, завтра нас пошлют Берлинский собор крушить, потом дворец Шарлотты, а послезавтра публично распнут на Алексе. Может быть, прямо на Красном Ратхаузе. Чтобы отовсюду видно было. Или в Нью-Йорк повезут, прямо на Генеральную ассамблею. Вот они, мол, виновники вторжения. Смотрите на них.

— Я когда стрелял, представлял себе его, — Борис тревожно оглянулся, проверил не слышат ли нас посторонние уши. — Ну Воблоглаза, моль. Хотел его прямо в плешивую башку ужалить. Как же это ватники-хомяки допустили, что он так долго ими правит, да еще войну мировую начал?

— Да они не лучше его. Такие же скккоты, — Марк от злобы и волнения начал заикаться. — Паршивые скккоты. Чтоб им всем подддохнуть в атомном огггне... Схватился за левый бок. Прохрипел что-то. Грузно осел. Борис громко закричал: Марк умирает! Помогите!

Старлей и бугай подозрительно быстро вынырнули откуда-то, открыли клетку, схватили Марка и унесли его как большую куклу.

— Куда вы его тащите, — заорал Борис, и был награжден тяжелым взглядом бугая и недобрый прищуром старлея. Через несколько минут они вернулись. На сей раз за Борисом. Он не хотел даваться им в руки и получил от бугая его специальный удар. И они унесли и его.

Я ждал, что они придут и за мной... приготовился стать землей. Но они не пришли.

Ни Бориса, ни Марка я больше в подвале не видел. Подумал, что их расстреляли... из бесшумного пистолета.

Вечером за мной зашел старлей, неожиданно вежливо попросил одеться и отвел меня во двор, к Тигру. Сел за руль. Меня посадил рядом.

Всю дорогу мы молчали. Когда подъезжали к Вернойхену, и Тигр затрясся от жуткого рева взлетающего гиганта, старлей сообщил: Мы летим в Москву. Что, жидок, соскучился по Родине?

Я машинально кивнул.

— А она по тебе...

Зимняя сказка

Мы вылетели около полуночи. В Ил-76 поставили кресла, набили салон пассажирами, а сумки и чемоданы свалили громадной кучей в хвостовой части. Сколько летело народу, понять было трудно, человек сто пятьдесят. Почти все военные, пьяные, разудалые, явно не без трофеев... хвастались друг другу фальшивыми ролексами, новейшими смартфонами, дорогими камерами, золотыми цепочками, элегантными туфлями от Версаче и Гуччи, снятыми ими с трупов, отобранными или сворованными в разгромленных магазинах и складах... жестикулировали, орали, курили, некоторые даже пытались танцевать в обнимку. Душно было в самолете страшно, воняло водкой и потом.

Современная русская музыка ревела как обиженный медведь... пассажиры топали ногами. Производимый ими шум заглушал ровное гудение реактивных двигателей. Слов я не знал, поэтому мне казалось, что из мутного рева, как из бурного потока руки утопающих, выбрасывались в сизое от сигаретного дыма пространство матерные частушки советского времени.

Захотелось старику... переплыть Москву-реку... тискал девку Анатолий... на бульваре на Тверском...

...

Моя правая рука была прикована к левой руке старлей наручниками. Сидели мы не в креслах, а на откидных стульях. Старлей поначалу кипятился, требовал у неопрятного майора с брелками на запястьях места в кресле, какую-то бумажку ему в небритую рожу совал. Потом обратился к пилотам. Никто с ним не разговаривал, может быть, потому, что он был в штатском.

Через час полета ноги у меня затекли, хотелось встать, подвигаться, но старлей спал как сурок, разбудишь его... а он обидится и расскажет этим ордынцам о

том, что я солдату-освободителю брюхо продырявил... могут и из самолета выкинуть.

Ни пить, ни есть нам конечно не давали, а так хотелось холодного томатного сока.

При посадке нас потрепало. Да так сильно, что офицеры заблевали салон.

Сели мы в Быково. Вышли на обледенелую полосу, и тут же в лицо ударило мокрым снегом, закружило метелью... до костей пробирал лютый холод родины.

Здания аэропорта не было видно... вообще ни зги не видать... колотун колотит.

Старлей буркнул примирительно: Снесли Быково... капитализм... одна полоса осталась, приедем домой, сварю тебя какаву.

— А как же документы, пограничники, таможня?

— Ты не в Европе, привыкай. Прилетели мы спецрейсом, какая уж тут в душу таможня? Перестраивайся, жидок! Завтра с тобой разговор будет серьезный, думай, перед тем, как говорить, наломаешь дров, локти будешь кусать. Колобок стелет мягко, да жестко спать.

Вышли на какую-то узкую темную дорогу. Между дач, что ли. Протопали по ней сквозь метель с полкилометра, подошли к домам. Восьмиэтажки. Разбитые и грязные. На газоне — горит, переливается огнями елка. А над елкой — надпись из светящихся неоновых трубок «Зимняя сказка».

Старлей объяснил: Это бар ночной так называется. За четыреста в рот возьмут синюхи люберецкие. Снегурочки-бля... А дед Мороз там в вышибалах.

Сне-гу-роч-ка, Сне-гу-роч-ка — звали дети на елке во Дворце пионеров в далекие шестидесятые. Сне-гу-роч-ка!

Из темного угла выходила торжественным шагом широколицая курносая красавица-массовичка в нелепом гриме и ужасном платье с блестками, так неловко пытающемся скрыть ее некрасивые ноги. Снегурочка призывала тонюсеньким голосом: Дети, позовем все вместе дедушку Мороза!

И двести пятьдесят будущих строителей коммунизма блеяли в унисон: Де-ду-шка Мо-роз, приходи к нам!

Под слепым фонарем стояла машина. Жигули. Старлей поговорил с шофером, мы забрались на заднее сиденье. Всю дорогу я проспал. Старлей разбудил меня, когда мы к дому подъезжали. И улица, и дом, и подъезд показались мне

знакомыми. Поднялись на лифте на девятый этаж.

Тут ноги у меня подкосились, я начал медленно падать... старлей подхватил меня и вволок в квартиру, отстегнул наручник и посадил в кресло... принес горячий кофе. Я глотнул чужим, неслушающимся ртом.

...

Меня разбудила женщина. Ласково погладила по голове и сказала: Пора тебе в ванную.

Сердце сжалось и упало в живот, локти похолодели. Кто она?

Я встал и как в тумане... поплелся... а она меня легонько подталкивала, направляла. Раздеваться не пришлось... зеленоватая пена... хвоя... я влез в ванну не без труда и долго лежал, отмокал, согревался, пытался слепить из пены ее лицо.

Потом заплакал, потому что узнал ее. Женщина, сидевшая около меня на табуретке и трущая меня золотистой губкой, была моей женой, с которой я расстался тридцать три года назад.

— Да, милый, это я, вернее то, что от меня осталось.

— А где этот мерзкий тип, старший лейтенант, он ушел?

— Да, он только сделал свою работу, привез тебя ко мне. Не бойся ничего, все хорошо, я вымою тебя и уложу в кроватку, ты выспишься.

— Скажи мне, я в раю?

— Ты в Ясенево, в нашей квартире. Потерпи, тебе все объяснят вечером. Не думай ни о чем, все образумится. Тебе нужен покой.

Она обняла меня... и вдруг превратилась во вторую жену, тоже оставленную, тоже любимую, живущую с дочерью в Аргентине, и мы плакали и любили друг друга, а потом превратилась в Марику, и я целовал ее старое доброе лицо и пытался расспросить, добралась ли она до Нью-Йорка и встретил ли ее там сын, но она только улыбалась. Все мои любимые побывали у меня и все они были влюблены в меня и я был влюблен в них.

...

Вечером рай прекратился. Век догнал меня. И бросился мне на плечи. Открыл глаза и увидел рядом со мной похожего на Бабеля толстяка в белом халате. Колобок! В руке у него поблескивал шприц. Инстинктивно отпрянул. А он

преследовать меня не стал, а постучал меня ладошкой по ступне, уютно покачал курчавой толстой головой и заговорил: Все хорошо, все хорошо, не бойтесь, это только укрепит вас и успокоит, укрепит и успокоит... маленькая доза мескалина... шучу, шучу.

Вколол иглу мне в бедро, не торопясь впрыснул лекарство, похлопал меня по плечу и закивал, как китайский фарфоровый бог счастья.

— Замечательно держитесь! Нервы как канаты. Другой бы на вашем месте...

Поешьте немного, вот, тут, на подносе, а потом садитесь в кресло и поговорим... и погуглим... надо вам кое-что объяснить... а уж вы потом решите сами, что мы будем делать... да-с, сами решите.

Я съел булочку с маслом, выпил стаканчик апельсинового сока, встал, надел пижаму, подошел к окну.

— Мало что изменилось, не правда ли, капитализм только испортил их, —

задумчиво заметил толстяк, — дома постарели, а их обитатели... сами увидите.

Сходите на кухню... поройтесь в холодильнике... ощутите, что вы в реальности, а не в страшном сне. Мы постарались все в квартире оборудовать так, как тут было в вашей прошлой жизни, чтобы облегчить вам вхождение в жизнь новую, так сказать... Телевизора у вас тогда не было, и мы решили обойтись без него. И компьютера, конечно, тоже не было... зато радио, пожалуйста, слушайте сколько угодно, ваша «Спидола» к вашим услугам. На улицу выходить я вам сегодня не рекомендую, но завтра, будьте любезны, вы не заключенный и не заложник. А сейчас я готов ответить на все ваши вопросы. Устраивайтесь поудобнее в кресле... Спрашивайте, мальчики, спрашивайте.

Не знал, с чего начать. Ударил наугад: Марк и Борис живы?

Колобок-Бабель поморщился. После затянувшейся паузы каркнул негромко: Да.

— Они в Москве?

— Да.

— Они работают на вас?

— Какой вы догадливый! Штирлиц просто!

— Что вам от меня надо?

— Никак не могу поверить, что вы этого не знаете в мельчайших деталях.

— Что конкретно? Фильм, интервью, покаяние?

— Умница. Фильм уже монтируют... интервью пойдет отдельно. И еще кое-что.

— Сроки?

— Как раз на ваше Рождество, за несколько дней до Нового года покажем по всем программам. С переводом на английский и другие языки.

— Что будет, если я откажусь?

— Не откажетесь.

— Почему вы так уверены?

— Не откажетесь.

— Кто?

— И ваш сын и его жена и ваши внуки, и ваша первая жена. И... сюрприз... ах-ах... ваша Марика... все они у нас... и от вас зависит их судьба, здоровье. Мы не будем приносить вам каждый день на блюдечке пальчик... или глазик... но... кто знает, что придет ему в голову? Он ведь у нас мечтатель... пудинг наш кремлевский... не без игривости, знаете ли... может такое придумать, чего и в ваших рассказах не встретишь.

— Почему я? Я не фотогеничен.

— Шармант! А вы подумайте, почему вы. Вы сами виноваты! Сами на себя все и навлекли... и никого не вините, кроме самого себя. Тщеславие-с. Референты прочитали текстик ваш... да-да, о наших лондонских гешефтах... кое-что подчеркнули... и ему на столик положили на газетный. Он прочитал и решил вас, так сказать, лично пригласить.

— Очень лестно! А потом, что будет? Показательный процесс и казнь? Как неоригинально!

— У нас, как вы, наверное, знаете, не казнят. Процесс — конечно будет, но исход его будет зависеть от вашей готовности с нами работать. Палитра широкая. От пожизненного карцера... до освобождения и посильного вспоможения. Можем эту квартиру вам подарить... и писать позволим... и опубликуем хорошим тиражом.

Тут я не выдержал и хрястнул Колобка по толстой морде кулаком. А когда он упал, пнул его ногой в круглый живот, а потом бил по голове тумбочкой, пока он не сдох. Помочился на его окровавленный труп.

Шутка! Я конечно его и пальцем не тронул. Вопросов больше не задавал. Через

час проговорил с трудом: Не трогайте моих, сегодня же освободите сноху с внуками, все сделаю как надо, будете довольны, и еще... дайте мне денек осмотреться и очухаться. Не убегу, не бойтесь.

— Понимаю, понимаю, что не убежите. Тихими стопами. Сейчас позвоню кое-куда, согласую и вам волю руководства сообщу.

Толстяк ушел на кухню и разговаривал там с кем-то по мобильнику минут десять. Вернулся сияющий.

— Ну вот, все согласовал, и денек для вас добыл, хотя были возражения, да-с, были-с. Сноху с внуками выпустим, как только закончим фильм и интервью, остальных — после процесса, завтрашний день ваш. Дома вы одни, а если погулять захотите или куда съездить, будет машина за вами следовать, с двумя сопровождающими, да, да, в штатском конечно, и подвезет вас, куда прикажете, и на всякий случай... Вы уж, пожалуйста, тут Джеймса Бонда не разыгрывайте, наше сопровождение воспринимайте как... персональную охрану. Москва, она такая... продыривить могут живот... в ваших же интересах здоровым и бодрым оставаться... да-с здоровым и бодрым. Вот вам мобильник для связи со мной... эту кнопку нажмете, а потом вот эту... простенькое устройство. Смотрите, не навлеките беду еще на кого. Что же, разрешите попрощаться... как говорится, приятно было познакомиться... еда в холодильнике. Да, забыл сказать... не пугайтесь, если... как бы это получше сформулировать... если что-то будет не так, как вы себе представляли, даже совсем не так... даже невозможно и фантастично. Принимайте все спокойно и все-все будет хорошо.

Я взял в руки Спидолу как старого любимого кота. Поймал Би-би-си и дождался новостей.

Германия была завоевана, Франкфурт-на-Майне был объявлен столицей НОВОЙ ГДР, сокращенно НГДР. У Франции была отобрана Эльзас-Лотарингия и присоединена к НГДР. Кроме того к НГДР были присоединены Швейцария, Австрия, Венгрия (сопротивление ее было сломлено ковровыми бомбардировками), Чехия, Западная часть Польши и итальянский Южный Тироль. По всей территории Новой ГДР началась постройка сети русских гарнизонов и военных баз, ответственность за снабжение которых была возложена на местную администрацию, состоящую из левых политиков

оккупированных стран. Для строительных работ используется труд заключенных.

Территория России была увеличена за счет прекратившей сопротивление Финляндии, Швеции, балтийских республик, Белоруссии, восточной части Польши, Румынии, Словакии, Молдавии, Украины, Грузии, Казахстана и бывших среднеазиатских республик СССР.

Китаю было позволено колонизировать бывшую Японию и оккупировать русскую Сибирь от Сахалина и Колымы до линии Красноярск-Норильск.

Турции Россия уступила «по настоятельной просьбе трудящегося населения этих республик» — Болгарию, Азербайджан и Армению.

Российские войска, наступающие в направлении Индийского океана, были уничтожены неизвестным противником, о них было приказано забыть.

На торжественном собрании дипломатического корпуса в Кремле Путин объявил, что Россия завершила первую стадию справедливого передела Евразии и объявляет мораторий на военные действия на пять лет.

Комментатор Би-би-си закончил военно-политический блок новостей саркастическим замечанием: Русские оставили в покое Норвегию, Англию, страны Бенилюкса, изуродованные Францию и Италию, Португалию и Испанию — чтобы было кого завоевывать и грабить через пять лет.

...

Бедные мои родные, как же мне вырвать вас из лап этого страшного государства? Я успокоил себя советом опытного собаковода: Иногда надо просто спокойно, не оборачиваясь, идти дальше, все равно куда. Ничего не говорить, не трогать, и главное не смотреть в глаза яростно рычащим животным.

Тасманский тигр

Перед тем, как лечь, обошел квартиру.

Обстановка действительно напоминала ту, что была у нас когда-то. Темный

трехстворчатый шкаф, купленный в мебельном на Ленинском. Красная
двухспальная тахта. Торшеры.

Штук тридцать книжных полок на стенах. Старые книги... добрые, единственные
мои друзья... вы одни помогли не задохнуться в затхлой брежневщине, ощутить,
не выходя из советской тюрьмы, радостную истому бытия свободного человека.
Фолкнер, Пруст, Гессе, «Острова в океане»... с полсотни Литературных
памятников... читабельная треть Всемирной литературы... десять томов
«Махабхараты», Диккенс, Чехов, Дневники писателя... Булгаков, Торо, Бирс,
Платонов, Рембо... даже крохотную «Лолиту» и огромного двухтомного «Дон-
Кихота» с иллюстрациями Доре раздобыли чекисты.

Старый папин финский письменный стол. На боку процарапанные шилом в день
смерти Брежнева слова из Библии: Мене, мене, текел, упарсин.

Кухня только какая-то не такая, с прибабасами, а у нас была простенькая.

Холодильник «Саратов». А внутри — почему-то одни немецкие продукты,
знакомые йогурты из Лидла, сыры и колбасы из Альди. Плита «Лысьва».

Тарелки и чашки итальянские.

...

Открыл дверь на лестничную клетку, а там красный огонек пляшет.

— Вы кто?

Темнота ответила: Не узнал, что ли, жидок?

— Старлей?

— К вашим услугам. Но теперь я для вас просто Гена. Буду вас охранять. А
внизу, в машине — изнывает от скуки Петро. Зубы точит на вас.

— Пусть лучше себе шишку точит в – Зимней сказке!

— Да вы стали тут у нас храбрецом, товарищ Розен!

— Кофе хотите?

— Рад бы, но не положено. Вы потом Колобку проболтаетесь, и мне по шапке
дадут. Нет уж, теперь вы — овечка, а я ваш охранник-волк. Такое у нас
распределение ролей. Ложитесь спать, не думайте ни о чем, утро вечера
мудренее, завтра погуляете, посмотрите на новую Москву, кое-что поймете,
может быть, потихоньку все и разрешится. Больше ничего вам сказать не могу,
они там считают, надо, чтобы вы сами... Спокойной ночи!

Гена захлопнул дверь, а я к лежбищу своему потянулся. Мучительные вопросы терзали меня как августовские мухи.

Не лгал ли подонок Колобок? Неужели всех моих действительно в заложники взяли? И сына и его семью, которая меня и в глаза не видела? Первую жену? Бедную Марику из Франции похитили? Или с теплохода? Подводную лодку что ли посылали?

Надо бы позвонить по нескольким телефонам, которые случайно не забыл. Может, прямо сейчас и звякнуть? Нет, предупредил тебя Бабель: Не навлеките беду еще на кого. Попросишь кого-нибудь о помощи и его тотчас схватят и к остальным — в кутузку.

Что он имел в виду, когда говорил – кое что поймете? Что еще тут понимать? Сцапали, заложников взяли, шантажируют, опозорят, натравят на меня совков, а потом на площадь вытолкнут и народ меня на части разорвет.

Но для этого не надо было мои книги собирать и письменный стол у нынешнего хозяина изымать... да и квартира наверное не пустовала. Достаточно было меня арестовать и в крысятник. Что же у них еще на уме? Какого лешего они со мной возьмется? Что будет – не так, как ожидаю? Что – невозможно и фантастично?

Да... тут все не так... все невозможно и фантастично.

Двор, дом, подъезд, квартира, книги... все какое-то ненастоящее!

И первая жена, Натка... что-то в ней было странное... неестественное... только вот что?

Понятно, что. Такой ласковой и страстной она с тобой и в первую брачную ночь не была!

Эта, теперешняя, Натка была такой, какой ты хотел видеть свою жену тогда, в семьдесят восьмом. И не постарела она совсем.

Надо отоспаться.

...

Заснул... и вот, лежу на песке, на краю крутого невысокого обрыва... кругом провалы, осыпи, по берегам пересохших потоков возвышаются конические башни, похожие на положенные друг на друга толстые оладьи из глины и коричневого песка. Ландшафт этот я узнал... видел его с Масады... только там все светлое, искрящееся, соляное, а здесь темное.

Серо-лиловое сумеречное небо то и дело озаряют электрически оранжевые сполохи. Никакой растительности, кроме перекасти-поля. Карстовые ямы зияют... из них доносятся странные глухие звуки. Скорпионы? Посмотрел на свои пальцы... под ногтями грязь... это не мои руки... шестипалые... с перепонками. Ноги тоже не мои, вытянутые, как у баскетболиста, жилистые ходули... каждая с двумя коленями. Верхнее смотрит вперед, а нижнее назад.

Встал, отряхнулся, побежал... прыгнул... в прыжке раскрыл перепончатые крылья и спланировал как летучая собака. Приземлился неудачно. Лег на спину... стемнело... на небе показались незнакомые созвездия... взошли сразу две Луны, обе полутемные, фиолетово-свинцовые.

Кто-то дернул меня за руку и что-то гортанно пропел... это было такое же существо, как и я... самка... она приблизила свою голову с крупными зазубренными мандибулами к моей шее, как будто принюхиваясь... затем мотнула головой, как бы давая знак — за мной... прыгнула и полетела.

Я бросился за ней.

Мы мчались как остервенелые дьяволы по песчаным барханам, скакали с обрыва на обрыв, летали, приземлялись, кувыркались в холодном песке, вскакивали, вновь прыгали и парили, парили между свинцовыми лунами и изрезанной оврагами землей.

Я пытался догнать ее, но она была больше, сильнее и быстрее... иногда она поджидала меня, сидя на песке как йогиня... мандибулами вверх.

Своей синеватой шестипалой лапой она указывала мне на колоссальную, всю составленную из мерцающих бриллиантов, статую богомола с воздетыми к небу передними конечностями, вокруг которой порхали светлячки.

Мы совокупились с ней в полете, как пчелы.

Она откусила мне во время оргазма голову.

...

Проснулся я как в мыле. Принял душ. Зубы почистил. Опять двадцать пять. И мыло, и паста, и щетка немецкие. И туалетная бумага. Кофе выпил растворимый. Арабика, фирма Контал-Пенни. Булочку съел с козьим сыром. Сыр французский, но надпись на бумажке по-немецки. Что же это, господа?

Подскочил к окну, впился глазами в небо. Небо, как небо. Обычное московское

утреннее небо в декабре — белесое, как сметана. И двор вроде тот. Пустой, заснеженный, в меру загаженный. Машины у подъездов... такие же, как в Берлине, только грязнее. Собака вон бездомная бежит... овчарка что ли... повернула морду и посмотрела снизу на меня.

Погодите, а это что такое? Справа должна была быть видна окружная дорога, а за ней — гэбистское гнездо, здоровенный домище. Ничего этого не было видно, только голубовато-серый лес струился заснеженной громадой к размытому горизонту. Зимний Сихэвэн?

И, как только я это подумал, сейчас же заметил и дорогу и здание. Поклясться готов, полминуты назад ничего кроме леса там не было.

Нашел в шкафу выглаженные джинсы, фланелевую рубашку и любимое английское пальто, которое я купил еще в городе К.. Чудеса! А это что... откуда эти сапожки на молнии? Я же сам их выбросил. И эта кепка... я ее пожертвовал, когда одежду собирали для беженцев, своими руками в контейнер кинул.

Что же со мной происходит? Колбаса на постном масле.

Оделся и на улицу вышел.

...

Не спеша пошел вдоль нашего дома по направлению к универсаму.

Дом у нас длинный, подъездов шесть или семь. Шел вдоль него, ни одного человека не встретил. Да и не хотел, признаться, встречать. Знакомых тут было когда-то... еще узнают, начнутся расспросы, приглашения.

Ощущение — как у пассажиров рейса номер 29, когда они в Бангоре приземлились. Лангольеров однако не слышать. Несмотря на мороз, из мусорных ящиков несет кислой гнилью. И свет в окнах.

Вышел через арку на Паустовского. Свернул налево. Ни одного автомобиля!

ТЬфу, а это что?

Вот автобус пыхтит, тяжело берет подъем, а вот и другой, спускается вниз, подъехал к остановке на перекрестке, забрал двух человек и двинул к Окружной. Жигули, тойоты, форды. Едут себе. Как же я их сразу не увидел? И люди спешат по своим делишкам. Вон мальчишка лет десяти погнал к универсаму, пенсионеры с авоськами завернули в арку, толстая тетка в грязном пальто прошла мимо, обдав меня винными парами. За ней еще одна, видимо,

домохозяйка в лисьей шубке и с кожаной сумочкой... алкаш в ужасной засаленной ушанке и ватнике потащился непонятно куда.

Все правильно? Не совсем. Потому что церкви не видно, там, справа, наверху. Не видно? Не сразу, но показалась и церковка. Кирпич красный, крыша и купол темные. Закрыв глаза и представил, что церковь выкрашена в противный желтый цвет, а крыша и купол — синие. Глянул на нее. Получилось!

Подошел к универсаму. Универсам как универсам. Называется только теперь как-то иначе.

На европейский магазин внутренность этого барака походить не хотела. Чем-то все тут напоминало Большой базар в Стамбуле, только не было в этом русском базаре, ни восточного колорита, ни аромата, ни шика. Универсам был поделен на небольшие ячейки или закутки, в каждом из которых работало по несколько продавцов в мятых белых халатах. Прошел туда, где продавали мясо. Свинины вегетарианской не обнаружил, не нашел и аккуратных кусков охлажденного свежего мяса, как в немецких магазинах. Ничего похожего на колбасу или ветчину в продаже не было. На огромной осклизлой цинковой доске лежали окровавленные куски свиных туш. Головы, ноги, спины. По ним ползали зеленые мухи.

Продавец отрезал длинным острым ножом куски и предлагал их покупателям. Кидал на весы. Те просили его поменьше или побольше, отсюда или оттуда, капризничали, бранились. Продавец посмотрел на меня и мне почудилось... вот он поднес сверкающий нож к своей бычьей шее, выпучил глаза, ощерился на меня ужасными свиными зубами и с хрустом перерезал себе горло. Кровь хлынула на белый халат и смешалась с свиной кровью лежащей перед ним туши. Выскочил из мясного закутка и попал в молочный.

Посередине помещения стоял алюминиевый бидон-гигант, из которого толстая продавщица разливала литровым половником сметану в стеклянные банки покупателей. Рядом с сметанным стояли еще два бидона, с молоком. На деревянном прилавке лежали горки комкастого творога. Продавщица возвещала грозно: Граждане, в одни руки полкило сметаны, литр молока и полкило творога. К прилавку вела очередь, человек тридцать пять. Я спросил стоящую в конце старушку, почему нету сыра, и получил такой ответ: Али ты не знаешь, милоч,

что в сыре НАТА наны колдуйские прятала. Как поест такого сыру русский чилавек, так одно у него на уме — Володимера Володимирыча загубить. Наны эти спрятаны и в масле и во всем, поэтому мы только наше молочко пьем, нашу сметанцу ядим и творожок кушаем... Нама ихние разносолы не нужные!

Ага, подумал я, опять Солнце Володимирыч.

Подумал я это, только подумал, но как-то само собой получилось, что три раза громко сказал: Путин вор!

Все стоящие в очереди бабки тут же, как по команде, повернули ко мне свои лица и стали хищно принюхиваться.

А потом... я увидел танец смерти... танцевали... отвратительные склеротичные ноги, когтистые старческие руки, покрытые коричневыми пятнами отвислые груди, морщинистые ягодицы... в середине хоровода возвышалась худая бледная старуха, в руках она держала длинную пирамиду, покрытую слизью. У пирамиды этой был глаз и глаз этот смотрел на меня... Вместо ног у старухи были длинные сиреневые щупальца с присосками. Из зубастого ее рта высовывался длинный черный язык и жутко качался из стороны в сторону. На прилавке между бидонами уселось белое, широкое чудовище, с какими-то отвисшими до полу белыми мешками вместо ног, вместо рук, ушей, глаз висели такие же белые мешки. Из мешков этих непрерывно сыпалась пудра. За ней танцевала черная старуха, вся покрытая чешуею, со множеством тонких рук, сложенных на груди, и вместо головы у ней была худющая задница с воткнутой в нее морковкой. С потолка универсама свешивалось какое-то болезненно распухшее тело, всё состоявшее из одних покрытых волдырями ног; эти ноги бились одна об другую и неестественно выгибались.

Я зажмурил глаза, а когда открыл их, все было как прежде. Бидоны, молоко, творог, терпеливая очередь из старых женщин и толстая продавщица с грубо нарумяненными щеками и синими тенями на веках.

...

Заглянул в газетный киоск на перекрестке.

В киоске продавались только «Известия». А продавцом работал там не человек... а стоящий на задних ногах тасманский тигр, полосатый, с длинной мордой и в курьезных роговых очках. Он сообщил мне, что: Рык-рык-рык... газета свежая...

рык-рык... двадцать пять рублей...

От тигра почему-то пахло палеными перьями. Я положил на тарелочку сторублевую бумажку, ту самую, с квадригой и Аполлоном.

Тасманский тигр прорычал мне: Сдачи нету.

— Не надо сдачи... купите себе... мяса что ли...

— На такие деньги мяса в Москве не купишь... только кости...

— Ну, хорошо, купите себе кости, поглодайте, а то вымрете...

— Тилацин в 1930 году вымер, господин хороший.

— Вы тут прямо не продавец, а словарь Даля.

— Многому научился у покупателей. Да и книжечки, признаться, почитываю, грешник.

— Ладно, пойду, счастливо оставаться!

— Идите, идите, пока ходилки ходят, и не забудьте рот прополоскать...

— Это вы к чему?

— Я имел в виду ваше подсознание, мистер Мейер! Сон разума порождает монстров!

— Уже до сумчатых волков доигрался, жидок! — сказал старлей и скептически покачал головой.

— А вот мы тебя по почечкам, гнилая ты морда, — гаркнул Петя-бугай и заржал жеребцом.

— А пальчик детский жареный, не хотите попробовать, или глазок? — пропищал Колобок и укатился куда-то.

...

Дома я развернул газету. С первой страницы, как впрочем и со всех остальных, на меня глядел Путин. В костюме, улыбающийся, сосредоточенный, в дзюдоге и в дзюбоне, в шлеме пилота, в скафандре водолаза, в пилотке, с детьми, с птицами, с роженицами, на Луне, на Марсе, в рабочей столовке Уралвагонзавода.

О содержании статей говорить бессмысленно, достаточно перечислить несколько заголовков.

Мы — за Путина! Крым наш и Европа наша!

Владимир Путин — самое дорогое, что есть у русского человека!

Наше Солнце: Визит в Туркмению.

Посещение Владимиром Путиным сиротского дома для мальчиков в Биробиджане.

В Большом премьеры: балет и оратория «Он выше, быстрее и красивее всех». Европа и США на коленях.

Открытие мемориала «Он здесь служил» в Дрездене.

Турция подарила Путину три новых шапки Мономаха и алмазный скипетр.

Народный скульптор России Церетели приступил к работе над циклом двадцатиметровых скульптур из гранита: Пусть всегда будет Солнце и Путин.

Новое слово в геронтологии. Путин бессмертен, потому что он вечен.

...

Канальство! А не попробовать ли мне... Вдруг получится? Решил начать с малого.

Закрыв глаза, сжал кулаки и сосредоточился, но... обессилел и задремал.

Проснулся от бешеного крика: Что вы наделали?! Какое непростительное мальчишество! Идиот!

Кричал стоящий рядом со мной Бабель потрясал в воздухе – Известиями.

Дрожащей от гнева рукой сунул мне скомканную газету.

Знакомое, изуродованное ботоксом, лицо улыбалось с первой страницы так же, как и раньше. Но набранная крупно надпись над фотографией изменилась.

Мы — за Вонючкина... Прохиндей Вонючкин — это самое дорогое, что есть у русского человека... Наш Прохиндей выше, быстрее и красивее всех... на коленях перед нашим Прохиндеем... Вонючкин бессмертен, потому что вечен...

Не успел я рассмеяться, как произошло нечто и вовсе невероятное. Какая-то непонятная сила сжала Колобка в точку, и эта точка улетела, жужжа, в полуоткрытую входную дверь.

Оранжерея, крысы и напольные часы

После обеда решил съездить в центр. Но не по линии Ясенево-Октябрьская, доставляющей любителей Сурикова и Репина в Третьяковку, а по любимому пути паломничества странствующего подмастерья Юго-Западная-Кропоткинская, по которому столько лет носился под землей в Пушкинский музей на свидание с Кранахом и Фаюмскими портретами.

Заглянул в газетный киоск. Все там было нормально, витрины ломались от желтой прессы. Маленький продавец в бежевом костюме и полосатом галстучке несколько не напоминал тасманского тигра, говорил высоким голосом, продал мне двадцать билетиков-карточек и пожелал хорошего дня.

Пошел к автобусу номер 642.

Все победила, как всегда побеждает, извечная рутина. Законы природы восстановили свое постылое господство. Пасмурно... грязный снег, мерзлый асфальт, замерзшие деревья, бетонные коробки, невымытые, нещадно чадающие автомобили... сломавший себе где-то в космической глубине хребет декабрьский московский день уже уступает место сиреневым сумеркам.

Лица пассажиров в автобусе кажутся особенно хмурыми, мрачными... как будто жизнь обнесла их всеми своими лучистыми дарами... превратила их тела в желатин, убрала радости и оставила только боли и заботы.

Недалеко от меня сидели двое — мать и сын. Глаза у обоих такие скучные, невыразительные, что непонятно, как они вообще могут жить, дышать, ходить... почему не умирают.

Мать процедила сквозь зубы: Я тебе говорила, что они татары!

Сын отозвался неохотно: Ну и чо, что татары?

— Как чо, нехристи они. Не понимаешь, что ли? Они свинину не едят! Вот как ведь!

— Ну и чо, что не едят!

— А Томка свинину затушила.

— Ну и чо, что свинину затушила?

— Она затушила, а они ее не едят! Вот как. Она старалась.

— Ма, не говори – вот как! Ты в маразме.

— Как же мне говорить-та? Ты пойми, Томка-то свинину затушила, Тимуру, уроду казанскому, это надо понимать! Вот как!

— А говорили, Тимур полиомиелитный.

— Полилимитный али нет, не знаю, но мог бы раньше Томке сказать, не ядим мы свинину-то! Уроды они с братом! Переживаю я!

— Ну чо ты разошлась, ма? Чо ты зря переживаешь?

— Как не переживать, она старалася. Вот как. Как никак дочура... роднакровь. А Тимур кто? Чурка черножопая!

...

Слова «черножопый» и «чурка» не оставили равнодушными трех дагестанцев, сидевших в акустической досягаемости от матери и сына. Один из них, должно быть старший... низкий, косолапый, как будто весь состоящий из самшитовых корней, встал, подошел к матери, тяжело посмотрел на нее и сказал, грозно шевеля черной чёлкой и бровями: Ты слова не говори, нельзя... Ты сама черножопый рюсский козел. Ты русня, а наша нация...

Он не успел договорить, как с другого конца автобуса к ним решительно направился паренек в овчине и тельняшке, по-видимому услышавший слова «козел» и «русня». На помощь ему поднялись еще несколько национально-озабоченных мужчин славянской внешности разного возраста, среди них и не совсем трезвый коротышка-дедок в короткой дубленке и с тросточкой в руках. Тросточку эту дедок держал в правой руке как дубинку и нервно постукивал ею по ладони левой руки. Дагестанцы тихо достали ножи. Двое русских громко вынули из карманов велосипедные цепи.

Назревало столкновение на национальной почве.

Но тут произошло то, что никто из присутствующих и представить себе не мог. От пола до самой крыши автобуса поднялись вдруг цветущие флоксы и незнакомые мне экзотические растения с листьями и плодами удивительной формы. Салон превратился в оранжерею. Повсюду распространился странный розовато-синий свет.

Нежно заиграла панфлейта.

Зазвенели стеклянные колокольчики.

Пространство расширилось... открылись длинные проходы, усаженные розами и книфофиями... появились мраморные бассейны с золотыми рыбками, заросшие белыми лилиями.

Прямо передо мной выросли исполинские пламенные гладиолусы и начали кланяться растерянными пассажирам как слуги... нездешние голоса шептались в зарослях тамариска... повсюду струились чудные ароматы.

Опьяненные видом и пряными запахами волшебного сада жители Ясенево, только что готовые начать жестокую драку, остолбенело глядели на чудесные растения. Неизвестно откуда выпорхнул большой зелено-синий попугай и сел мне на плечо, с необыкновенной важностью посмотрел на приготовившихся к драке пассажиров через очки, криво сидевшие на его громадном клюве, и прочиркал: Господа, опомнитесь, фюить, фюить, стоит ли проливать кровь из-за нескольких, фюить, неосторожных слов?

— Джаннат аль-фирдаус, — пробормотал потрясенный дагестанец, спрятал нож и сел на шелковистую траву. Его соплеменники последовали его примеру.

Решительный юноша, дедок и их союзники прилегли рядом с бассейном на заросшей клевером лужайке. Золотые рыбки высунули свои розовые губы из воды и поприветствовали их арией Папагено.

Па-па-па-па...

Мать Томки казалось ошарашенной и испуганной, она нервно гладила склонившийся к ней гладиолус и бормотала: Вот, вот, ведь как...

А ее сын был, кажется, единственным пассажиром, на которого превращение грязного автобуса в райский сад не произвело никакого впечатления. Он молчал, но его нахрапистое лицо с раздувающимися ноздрями, казалось, говорило: Ну и чо?! Ягодки-цветочки? Всех вас видел в гробу.

...

Прежде чем спуститься в метро, решил побродить немного на свежем воздухе. Хотя назвать – свежей эту смесь выхлопных газов с вонью, исходящей от киосков, в которых энергичные восточные люди что-то жарили и парили, никак было нельзя. У меня першило в горле, слезились глаза, но аборигены, кажется, вовсе не страдали от той гадости, которой дышали.

Не понимаю я москвичей. Понастроили огромные безобразные бетонные коробки. Повесили, чтобы скрыть архитектурное убожество, где только можно, рекламные баннеры. Накупили западных машин. А очистить воздух, попадающий в легкие им и их детям — не удосужились. Не удосужились и

организовать достойную большого города систему общественного транспорта. На многочисленных остановках стояли, в ожидании автобуса или маршрутки, тысячи людей. Брали, как и в советское время, автобусы штурмом.

Лезли в двери, не уступая друг другу, толкались, грубили.

Поневоле, поверьте, поневоле... представил себе, как в автобус лезут, кусая, рыча и налезая друг на друга, гигантские крысы.

Господи! Не надо было мне этого представлять! Этого зрелища не забуду никогда!

Крысы напирали, падали, вставали, скрежетали зубами, откусывали друг другу лапы... рубиновые их глаза светились от ярости... некоторые прыгали на крыши, атаковали уже сидящих там... крупные крысы пожирали маленьких.

В этот момент кто-то схватил меня за рукав.

— Ты что же делаешь, жидок, погубить нас всех хочешь?

Голос Гены-старлея дрожал не то от ярости, не то от страха. Руки у него тряслись, по щекам текли слезы. Губы его были окровавлены. В двух шагах от нас нервно переступал с ноги на ногу бугай Петя. Он изумленно смотрел на свои большие руки и ноги. Щупал себе нос.

Боковым зрением я увидел, что многие штурмующие очередной Лиаз мужчины и не заметили того, что несколько секунд были крысами... оставь я их крысами, они, возможно, так и не заметили бы этого до утреннего бритья.

— Ты, вы, только посмотрите, что вы наделали, — умоляюще проговорил старлей, показав мне рукой на два безголовых женских трупа на остановке, и высморкался в большой белый платок.

— Прошу вас, наконец, осознать опасность того, чем вы занялись! Весь этот мир, я, Петя, Москва... пластилин, пластик! Понимаете, пар! Подул Господин Розенмейер и все-все стало по-другому. Представил себе что-то, а из нас, как из пластилина это что-то тут же материализовалось.

Снующие вокруг испуганные и возбужденные прохожие начали останавливаться, окружать нас и слушать старлея. Тот отреагировал по-военному: Прошу в машину.

В черном джипе Чероки было сильно накурено.

Мы отъехал с полкилометра вниз по Вернадскому и повернули направо.

Выехали на тротуар у огромного нового дома, похожего на самолет.

— Вы поймите, поймите, это ведь не галлюцинация... Вот вы с газетками изволили пошутить... а миллионы людей это прочитали и расстроились... вы их не рассмешили, вы их обидели, это ведь наши люди... вы подумали что-то... а Колобок в муху превратился, улетел, и нет его, все... У него две дочери, жена, машина, служба... а он мухой летает! Может быть, извините, на какую кучку присел.

— Он мне грозил каждый день пальчик или глазик приносить на тарелочке.

— Он ведь какой-никакой, а человек! Жесткий, но пальцы у детей резать бы не стал. Проверял он вас. И мы вас проверяли, там в парке. Дело сложнее, чем на первый взгляд представляется. Много непонятного. А физики, те вообще, только руками разводят.

— Скажите, что известно, обещаю играть честно, в крыс или тараканов никого больше превращать не буду. Только гэбистов. Пошутил, пошутил.

— Я не спец... надо бы вам с Борисом поговорить. Короче, вы не один такой... есть и другие. Способности эти приходят и уходят. Как волны. И сила ваша или скажем, дальность, радиус действия, может автобусом ограничиваться, или площадкой, ну с футбольное поле... а может... кто знает... и всю Москву схватить или весь мир.

Тут старлей достал из кармана маленький пистолет, улыбнулся криво, показал опять свои налезшие один на другой передние зубы, и сказал: Вот, это бесшумный пистолет, я вас из него сейчас застрелю и этот мир, такой, какой он есть, зацементируется и опять будет подчиняться только законам природы. Но мне, нам, хотелось бы, чтобы этот мир стал лучше, потому я вас отпущу и попрошу хорошенько подумать и начать с нами дружески сотрудничать.

— Откройте рот.

Гена сейчас же почувствовал что-то, потрогал зубы рукой, побледнел и сказал: Спасибо.

— Мои родные действительно у вас?

— Да, и вашей силы не хватит их освободить. Они в специальном бункере, там неплохо, сам видел. Пять звездочек отель. Где бункер, не скажу, даже если вы меня в клопа превратите или на дыбу положите.

— В клопа я никого еще не превращал. Может, сейчас попробуем? Петя...

— Еще раз прошу вас ничего не делать спонтанно, не подумав, не взвесив. А родным вашим поможет только одно — если вы сделаете то, что мы от вас хотим.

— Что же вы хотите? Чтобы на Марсе яблони цвели, или чтобы Путин стал Римским папой?

— Нет, мы хотим, чтобы мир стал таким, каким он был до ноября 2013-го. Нужно осуществить что-то вроде перезагрузки, как в компьютере. Все остальное — наша забота. Мы исправим наши ошибки, вправим Азарову и Януковичу мозги, мы не будем душить Украину и вторгаться в Европу. Мы устроим все так, что и волки будут сыты и овцы целы. Подумайте, подумайте... Если вы не захотите сотрудничать, мы задействуем другого, неизвестного вам человека, мы зовем его, кхе-кхе, — волкодавом, который возможно превратит вас в кузнечика ваших внучат — в божьих коровок.

— Вы что же серьезно верите в то, что я могу раскрутить Землю и всю вселенную назад на год? Выведите сами войска из Европы и Азии, освободите Украину, которую вы поработили, протяните им руку помощи, извинитесь... и не надо будет время назад крутить, в тайны мироздания вмешиваться.

— Мне ли вам объяснять, что все это невозможно. Что легче запустить Луну в Юпитер, чем кремлевских заставить вести себя разумно?

— Вербуете? Я вам не Чебурашка, Гена. Ладно, отвезите меня на Красную площадь. Похожу по центру, успокою нервы.

— Хорошо, только прошу вас, как говорил ваш детский любимец — без членовредительских штук, и не посягайте на святыни, обожжете крылышки, предупреждаю!

— Постараюсь.

Бугай Петя во все время нашего разговора и последующей поездки сидел напряженно, смотрел только на дорогу и не смел ни поднять, ни скосить заплывшие глаза.

...

Высадили они меня у здания Исторического музея, рядом с конной статуей Жукова, у которого вся грудь в орденах, как в кольчуге. Посмотрел на памятник.

Отметил про себя вопиющую бездарность автора. Сами собой пришли в голову пушкинские строки: И, озарен луною бледной, простерши руку в вышине, За ним несется Всадник Медный, На звонко-скачущем коне...

И тотчас выглянула на московском небе какая-то подозрительно бледная луна. А бронзовый Жуков преобразился, потяжелел и словно вобрал в себя энергию пролетавшего мимо адского духа... поднял неожиданно царственно свою правую руку, недобро глянул на меня мертвыми глазами и загремел мелодично отделившимися от тела наградами. А затем... резким движением поднял коня на дыбы и соскочил с пьедестала. И тяжело поскакал в сторону Тверской, пугая туристов.

Я обошел здание Исторического музея и вышел на Красную площадь. По дороге обернулся и посмотрел на запарковавшийся недалеко от постамента джип. Старлей стоял рядом с машиной и укоризненно показывал на пустой постамент. Я пожал плечами.

Пошел к Мавзолею. Там, как оказалось, меня ждала засада. Другой черный Чероки, точная копия нашего, неожиданно резко стартовал от здания ГУМа и подлетел ко мне. Из него выскочили четыре мордovorота в штатском.

Растопырили руки, чтобы меня заграбастать... Я закрыл глаза и джип и мордovorоты исчезли. Я мог бы их забросить на Луну и оставить там издыхать, но... я всего лишь отправил их развеяться... в Челябинск, на площадь перед знаменитым памятником Ленину. Да-да, тому самому.

Мордovorоты вначале ошалело глазели на памятник, потом начали тупо бегать по площади... и получили еще одну неприятность... восьмиметровый гигант спрыгнул со своей колонны, раскрыл бронзовые объятья и понесся за ними, картаво гогоча.

...

Стоящий невдалеке солидный дядя в шапке пирожком оторопело взглянул на то место, где только что стоял джип с открытыми дверями, потом на меня, съежился и убежал. Другие прохожие ничего не заметили. Их ожидал спектакль почище исчезновения джипа.

И опять все вышло само, я и глаз не закрывал, только на Мавзолей засмотрелся. Вспомнил один бородатый анекдот. И сейчас же это нелепое бетонное здание,

облицованное порфиром и лабрадором, начало вытягиваться вверх, как встающий из могилы призрак. Мавзолей превратился в готический собор, а собор — в колоссальные напольные часы с полукруглой горизонтальной дорожкой под циферблатом. Из часов на эту дорожку вели двое ворот. И вот... прохожие и туристы заворуженно глядят на часы высотой с кремлевскую стену... внутри часов что-то скрипит, скрежещет, поет... дверки открываются... и через правые ворота выезжает на середину дорожки броневик... в натуральную величину... в точности такой, как на известной картине Самохвалова. На нем стоит воскресший Ильич с воздетой правой рукой... похожий на мертвую рыбу. Ленин оглядел площадь... вонзил взгляд в небеса, открыл рот, вытянувшийся в птичий клюв, и закричал резким, пронзительным, невыносимым голосом: Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Прокуковав двадцать раз вождь мирового пролетариата захлопнул клюв... броневик увез его через левые ворота вглубь дьявольских часов, часы потихоньку опали и стали опять мавзолеем.

Люди на площади щипали себя за руки и терли себе глаза.

Я поплелся к Лобному месту. Старлей, наблюдавший в толпе за метаморфозой мавзолея, не стал меня преследовать, а посеменял назад к музею, оживленно говоря с кем-то по мобильному телефону.

Лобное место

Звонок старлея не остался без последствий.

Гена по-видимому позвонил агентам, контролирующим «волкодава», и дал им указание выпустить его на охоту. Охоту на меня.

Началась охота даже забавно — народу на Красной площади вдруг стало заметно больше. Судя по одежде и прическам, эти, новоприбывшие, были не современными москвичами, а людьми сталинской эпохи. Было в их лицах и

фигурах что-то особенное... тоска обречённых. И еще... эти люди были черно-белыми, как персонажи старых фильмов.

На площади работал кто-то, легко и целенаправленно меняющий реальность. И этот кто-то не шутил. Уже через несколько секунд после появления серых, я был зажат ими, как клещами. Давящий меня сбоку своим чугунным плечом ударник прошипел: Мало тебе, европейская гниль? Через пять минут высунешь язык... Засекай время.

Стахановец, работающий с другой стороны локтями, добавил: Приехал над нами издеваться? И попал в петлю.

А прижатая ко мне сзади и энергично толкавшая меня твердыми как кривошип кулаками и коленками дама прошептала мне на ухо: Что, хлыщ, попал в давилку? Теперь из тебя ГПУ кишочки выпустит. Ноги будешь лизать, чтобы побыстрее казнили.

И в это же время внутри Лобного места сами собой — медленно, медленно — росли помост с небольшой трибуной, а рядом с ним — внушительная деревянная виселица с недвусмысленной петлей. На трибуне появилась тройка, в составе прокурора-судьи и двух народных заседателей-палачей. На их лицах читалась голая решимость мрачных идиотов.

Я закрыл глаза, сосредоточился и представил себе вместо толпы, Собора Василия Блаженного и Лобного места — площадь перед собором Святого Марка в Венеции. Открыл глаза. Ничего не вышло. Толпа, трибуна, палачи, виселица, серые люди...

Прокурор взял в руки какой-то сомнительный микрофон и заговорил.

— Мы сегодня собрались тут, дорогие товарищи, для того, чтобы совместно заклеить позором и наказать врага Сталина и Путина, супостата нашей родной Коммунистической партии единой России и советского народа Розенмейера. Вот он, стоит среди вас, ухмыляется и надеется на то, что ему все сойдет с рук, что он как-то выкрутится, обманет суд, усыпит нашу бдительность и будет спокойно вредить дальше. Посмотрите на него! Уже двести лет этот урод — грызет нашу великую Родину, отравляет колодцы, пьет кровь христианских младенцев, клеветает и насилует наших женщин. Но отщепенец, предатель и враг не уйдет от заслуженной кары!

Тут оратор показал на меня коротким пальцем. Стоящие рядом со мной серые люди тут же схватили меня и, раскачав, забросили в середину арены. Палачи обкрутили меня — как пауки свою жертву паутиной — веревкой, поднесли как куль с мукой к виселице и поставили на закрытый квадратный люк... накиннули на шею пеньковую петлю.

Они не торопились.

Я посмотрел на замершую в ожидании казни толпу. На меня пялился огромный, с ужасным бельмом посередине, бесцветный зрачок разъяренного человеческого стада.

В толпе я заметил старлея и бугая. Гена покачивал головой, как бы приговаривая: Я ведь тебя предупреждал, что обожжёшь крылышки, мотылек. Бугай смотрел в сторону, видимо все еще трусил. Не хотел превращаться в крысу.

Рядом с ними стояли Борис и Марк. Борис что-то деловито диктовал Марку, а тот записывал в небольшой блокнот. Встретившись со мной взглядом, Борис кивнул мне сардонически, не бойся, мол, сейчас все кончится. Может быть, он и был эфэсбэшным волкодавом?

Неожиданно я заметил в толпе Марику. Она плакала и протягивала ко мне руки... как бы умоляла помочь... руки ее были скованы наручниками.

Люк подо мной открылся и я упал в бездну.

...

Очнулся я на арене. На арене для боя быков.

Я и был быком, черным, страшным, а в моем загривке уже торчали разноцветные бандерильи, причиняя ужасную боль. По горячим бокам струилась кровь.

Я носился по арене как сумасшедший, не понимая, что со мной происходит.

Наконец я заметил в руках у облаченного в золотистый костюм матадора мулету и шпагу, это означало, что он сейчас убьет меня. В дикой ярости бросился я на него, не обращая внимания на его дурацкую тряпку. Он успел вонзить мне шпагу в сердце до того, как я пробил ему брюхо до позвонков своим длинным острым рогом. Умирая, я слышал бешеный рев возбужденной смертью публики. Мучения мои на этом не кончились. Волкодав резвился вовсю.

После смерти от удушья на Лобном месте и от шпаги на арене, он загнал меня в самолет Рио — Париж и заставил вместе с остальными бедолагами падать с одиннадцатикилометровой высоты в океан, затем для разнообразия бросил в жерло извергающегося вулкана, потом подверг пыткам в подвале чикагской мафии, познакомил с палачами Святой инквизиции и даже с самим Иродом Великим, заставил сражаться с инками на стороне конкистадоров и быть принесенным в жертву сатанистами.

После этого волкодав или его шефы, видимо, разочаровавшись в своих геоисторических изысканиях, решили сменить пластинку.

И вот, я уже вхожу в круглый вестибюль станции метро Октябрьская, украшенный похожими на звезды светильниками, вделанными в вогнутый потолок. Свет лампочек режет мне глаза, но ничего страшного вроде бы не происходит. Еду на эскалаторе вниз, в московскую жуткую глубину, из которой поднимается вместе с редкими пассажирами смрадный ветер. Иду по вестибюлю, смахивающему на пустую внутренность лежащей горизонтально ракеты, прохожу к платформе между пилонами, облицованными светлым мрамором с ядовито-лимонными разводами. Чувствую опасность, но не могу выйти из роли, в которую меня загнал волкодав.

Подходит поезд, набитый людьми как желчный пузырь больного камнями. Открывает двери с трудом, как будто вздыхает. Из ближайшей ко мне двери никто не выходит.

Рыхлая, рыжая, громадного роста дама в розовом пальто с огромными пуговицами-бутонами и немислимой синей шапке, неудачно округляющей ее и без того круглую голову, шепчет, кивнув в мою сторону, маленькой косоглазой, похожей на сороку, простоволосой подружке в курточке на молнии: Вот туша... Если он так любит жрать, то пусть на персональном автотранспорте ездеит... ноги все отдавит нам... мужло!

Подружка шипит в ответ в ее толстое ухо с золотой сережкой в виде розочки: Не мужчина, а бегемот... Зачем таких в метро пускают? С него гривенник брать надо за проезд.

Мне не хочется входить в вагон, но неодолимая сила заставляет меня втиснуться туда, прямо в человеческую стену... влез, вжался, надавил на рыхлую и ее

подружку... рыхлая молотила меня громадными кулаками... подружка несколько раз клюнула меня в шею и ущипнула в бок остренькими как маникюрные щипчики ноготками. А ее семилетний сын укусил меня в зад.

Машинист смог закрыть двери только после трех безуспешных попыток.

...

Переполненный поезд тяжело трогается, медленно разгоняется, а через минуту резко тормозит и останавливается в полутемном туннеле... кабели, висящие на его сегментированных бетонных стенах похожи на вены варикозных больных.

Вот оно!

Остановился поезд... бывает... часто бывает в метро... постоим и тронемся... и через три минуты я выйду на Академической (станция Шаболовская еще не работала). Там недалеко живет моя невеста, в «Березке» на Ферсмана.

Клаустрофобия... Стены вагона сдавливают твоё тело как гидравлический пресс. Руки холодеют, становятся влажными. Внизу живота рождается осьминог-сосунок... он подкатывается к восходящей аорте... обвивает её щупальцами и начинает душить тебя изнутри. Дыхание прерывается... сердце западает... глаза, кажется, вот-вот выскочат из глазниц.

Ты оседаешь как расстрелянный... и только давление потной человеческой стены не позволяет тебе окончательно соскользнуть вниз, под ноги яростной толпе.

Через пятнадцать минут в поезде гаснет свет.

По оконным стеклам текут струйки влаги. Это конденсат выдыхов и испарины изнывающих от духоты людей. Люди пытаются открыть стеклянные форточки.

Ты не умираешь только потому, что твой бог-волкодав не даёт тебе умереть.

Ты ждешь... ты помнишь... после двадцати минут пытки твой поезд ТОГДА тронулся, свет зажегся, и ты вышел на Академической и пошел к ней... и она, смущенная, обняла тебя при матери и неловко поцеловала в нос.

Довольно, довольно.

О, этот крысиный дух совка... волкодав решил добавить перца в суп... и раздел догола томящихся в темноте и духоте пассажиров.

Невыносимо запахло потом. Я почувствовал неприятное прикосновение голых скользких тел. Прикосновение потихоньку перешло в охватывание, вдавливание, заглот.

Рыхлая дама казалось присосалась ко мне своими огромными грудями и животом. Ее подружка колола меня своими лобковыми волосами, как проволокой, а ее сынок царапал своими колючими плавниками мне промежность.

Ошалевшие люди начали ощупывать себя и друг друга.

Осознав свою наготу, женщины подняли невыносимый визг. Вскоре паника охватила и мужчин. В невыносимой тесноте началось жестокое побоище.

И женщины и мужчины и дети — били и грызли друг друга. Драли за волосы, пинались, брыкались, стучали лбами в лбы, выдавливали пальцами глаза, отрывали уши, рвали пасти и ноздри, бешено кусали за все, что могли...

Казалось, муке не будет конца... но вдруг я пришел в себя все на той же Красной площади.

В Москве похолодало, на буром небе не было видно ни одной звезды, выл ветер, по оледенелой брусчатке мела поземка. Кроме меня по площади бродили только несколько туристов.

Потащился к музею... у памятника Жукову стоял черный джип. Меня впустили и отвезли в Ясенево. Я лег спать, стараясь не думать о том, что пережил.

Страшная догадка

Ну и что теперь? Тебе указали твое место. Наказали. Люди, более сильные чем ты. Возможно, из-за их негативного воздействия ты полностью утратил свой скромный дар. Что же мне делать? Искать тот бункер? А как? Брать заложников и пытаться играть с лубянскими тварями их же игру? Для этого ты недостаточно жесток. Обыграют тебя наперсточники. Пора проверить, годен ли ты хоть на что-нибудь.

Закрыв глаза и представил, что лежу в теплой средиземноморской водичке на пляже в Бланесе.

Открыл глаза.

Как же тут спокойно! Живописный город раскинулся амфитеатром... круглая башня Сант Жоан на невысокой горе, несколько похожих на крымские скал в бухте, отели, ботанический сад, по которому гуляли Байрон и Гёте.

Поплавал... посидел на камешках, вспоминал, как купался тут с второй женой и дочкой двадцать лет назад.

Постарался отделить мою тоску по ним от их фигур, рук, боялся вспоминать их лица.

Жить так, как будто ничего не произошло?

Превратиться в арабского шейха, построить виллу в Монте-Карло, нанять гарем из молоденьких фотомоделей, которые будут лизать тебе пятки и потихоньку изменять с охранниками?

Ты будешь забавляться в гареме, а твои родные будут и дальше мариноваться в пяти лубянской звездочках? Эти бульдоги их никогда не выпустят. А Колобок пришлет тебе через пару недель по почте пальчик.

Вернулся в Ясенево.

Воспользовался колобковым мобильником.

— Это я. Приезжайте, надо поговорить.

— Буду через полчаса.

Колобок сел в кресло и не без опаски посмотрел на меня. Несколько часов, проведенные им в теле короткоусых двукрылых оставили на нем странный отпечаток, он часто высовывал удивительно тонкий язык и облизывал им губы, один раз даже облизал глаза. Как-то по-мышьи тер себе виски двумя руками... и непроизвольно жужжал, когда говорил.

— Мы не могли оставить ваши возмутительные фокусы безнаказанными. Жжуж-жжуж... Мы только показали вам, как чувствуют себя другие люди, если вы... издеваетесь над ними.

— Гена рассказал мне, что вы на самом деле от меня хотите. Зачем вам я, когда у вас на службе волкодав такой силы?

— Вы, писатель, жжу... и не поняли разницы? Волкодав — техник, исполнитель, а вы — поэт, романтик, фантаст, поклонник Гофмана. Он способен квалифицированно помучить пациента, жжу-жжу-жжу, точно воспроизвести то,

что мы ему закажем, вы же можете импровизировать, кардинально изменять этот мир, заново выстроить всю эту ветку. И заменить вас пока некем.

— Отпустите моих и начнем работать.

— У вас нет оснований ставить нам какие-то условия. Уничтожить вас, жжжжжж, мы можем в любое время. И убежать от нас в какой-нибудь придуманный вами мир вы не сможете. Волкодав всюду следует за вами и тут же пошлет вас опять на Голгофу, если вы начнете фордыбачить. Покрасить церковь или вырастить розы в автобусе, это еще куда ни шло, но глумиться над памятью вождя — жжжжжжжж, это уже никуда не годится. Руководство решило вам навстречу не идти. За вами первый шаг.

...

После ухода Колобка я долго сидел в кресле и размышлял. В запутанной как волосы бездомного мешанине пытался найти путеводную нить. Но вытягивал только короткие обрывки разноцветных ниток.

Наконец, поставил вопрос ребром: Мир, в котором ты сейчас находишься — это что? Реальность? Или твоя фантазия?

Возьми хотя бы этот автобус. Если бы ты не вмешался, они бы там друг друга поубивали. Ну так что же произошло на самом деле? Смертоубийство или чудо примирения в райском саду?

Поймал на Спидоле – «Новое Эхо Москвы». Терпеливо ждал минут двадцать. Наконец, услышал следующее сообщение: Вчера, в автобусе, следовавшем по маршруту... произошло удивительное происшествие — в салоне выросли ни с того, ни с сего различные экзотические растения, появились мраморные фонтаны, поющие рыбы, говорящие попугаи и прочие чудеса...

Ты изменил реальность. Перевел вселенную на другую ветку. На другой лист. И этот, новый, лист не наложился на старый, а существует теперь самостоятельно. А старый возможно исчез, испарился, как будто его и не было. Что же теперь с мордоворотами в Челябинске?

И опять помогла Спидола. Радио Маяк сообщило: Вчера в Челябинске было совершено невероятное преступление. Неизвестные злоумышленники задушили четырех мужчин у памятника Ленину, что на площади Революции, а памятник сильно повредили. Вождь мирового пролетариата стоит теперь на асфальте с

распростертыми руками, как будто кого-то ловит.

А еще через десять минут дикторша пробормотала как будто нехотя: В Москве, в районе метро Юго-Западная произошел феномен массового психоза. Множество людей почувствовали себя грызунами — крысами. Психоз длился несколько секунд, но за это время, при невыясненных еще обстоятельствах, случились несколько убийств пассажиров городского транспорта. Триста сорок семь человек было госпитализировано.

...

Бедный мой сынок с внучатами... сноха... Натка, Марика... Как же мне вас вытащить из ямы?

Я попытался представить себе сына. Но не мог вспомнить его лицо.

Когда ты видел его последний раз?

Много лет назад.

Нет, ответь, когда?

Не помню.

Может быть это волкодавовы козни? Представлять себе внуков или сноху я и не пытался, видел их только на фотографии.

Какой фотографии?

Тоже не помню.

Как звали твою бабушку? Маму? Отца? Как тебя зовут?

Забыл.

Какую ты заканчивал школу?

Как выглядит Марика?

Сколько тебе лет?

Кто ты?

Ты писатель?

Где твои книги?

Где ты провел детство?

Кого ты первый раз в жизни поцеловал?

Ничего не помню, одни расплывчатые тени в голове.

Помню вольный полет над Москвой.

Кристаллические крылья.

Небесный свет в пробирке.

А потом... иду я по полю. Грязное, странное место... как будто сняли бульдозером несколько лет назад верхний почвенный слой... а обнажившийся нижний слой темной глины так и не превратился в плодородную землю. На краю поля наткнулся на столб. К этому потрескавшемуся деревянному столбу двумя гвоздями прибита сильно поржавевшая табличка. В середине ее изображен равносторонний треугольник с вентилятором посередине. Сверху и снизу от него можно с трудом разобрать надписи:

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

ПРОХОД И ВЪЕЗД ПОСТОРОННИМ ЛИЦАМ ЗАПРЕЩЕН!

Стало быть, это не вентилятор, а символическое изображение радиации. Куда же меня теперь занесло? В Чернобыльскую зону? Нет, природа тут другая.

Северная.

Вот и дорога. Давно не отремонтированная, покрытая глубокими лужами, но все-таки асфальт, цивилизация. Прошел метров триста, натолкнулся еще на один столб. Перед мостом через речушку. На нем тоже табличка. Река Тача.

Вдоль реки травы... сочные, зеленые... а у самой воды почему-то рыжие... бурые тощие коровы бредут по берегу... гуси гоношатся. За мостом — церковь и колокольня. Без куполов, без стекол в окнах, краска облупилась, кирпич такой, как будто его столетиями царапали злые гномы. За церковью — деревенские дома. Брошенные, что ли? Ни огонька, ни дыма из труб.

Собака пробежала... белая, хвост под брюхом... морда ошалелая, трясется.

На мосту мужик стоит, на реку смотрит. В сапогах, солдатских штанах, в черном пиджаке и меховой шапке... Курит...

— Ей, вы, да, вы, что это за деревня?

— А-то ты не знаешь?

— Представьте, не знаю.

— Пить надо меньше, а еще учитель.

— Я учитель? Ты чего городишь, мужик? Я тут впервые... и не был никогда...

Кончай базар, где мы?

— Где-где, в Угрюмове мы-то! Улюмский район. А ты тут учитель. В восьмилетке. И живешь ты тут, почитай четыре года.

— Учитель? Четыре года? А радиация почему на табличке?

— Кака такая рация? Мы люди простые, таких слов не понимаем. А к реке лучше не подходи, умрешь-то!

— А как же вон коровы там, видишь, прямо у реки пасутся, а вы тут небось их молочко пьете. И гуси.

— Шибко ты умный. Молоко-то в магазине дорогое, а гусятинки и вовсе нет.

— Ладно, ладно... Слышь, мужик, проводи меня домой!

— Пойдем, в школу-то. Небось жана-то заждалася свово кенаря, а он на мосте чирикает... Про рацию-то... Это ты на уроке робятам расскажи, а мне чево рассказывать-то. Мне немного осталось, ходить-то.

— Почему в школу? Домой веди.

— И-то забыл, что при школе живешь? Ну, развело-то тебя как, учило!

— Тебя как звать?

— Да Михалыч я, слесарь со станции, не узнал что ль? Я же тебе водопровод правил. Что ж ты пил, расскажи-то. Чифиря напился-то?

...

Мы шли по неасфальтированной деревенской улице... домишки справа и слева все были какие-то тощие, убогие, заплатанные. Крыши покрыты толем, а в нем дырки, как будто кто прогрыз. Изгороди упали. Садики и огородики отсутствовали. Несколько раз мимо нас пробежали собаки-призраки, братья и сестры той, белой, у моста. Шарахались от нас, как ягнята от волков.

— Что их так напугало?

— Кого-то? Кобелей, что ля? Так их стреляют те-то, с комбината.

— С какого комбината?

— Крепко тебе память-то сшибло, как ребят учить будешь? Да, со – Звезды победы. Отсюда семьдесят пять километров. От них сюда гнилая вода текёт. Они тут и землю-то сняли. Живем как без кожи-то. Колючку вдоль Тачи сварганили, да мы ее посымали. В цветметаллы продали колючку-то.

— А почему садиков и огородов нет?

— Потому и нету-то. Зараженное все. Ну вот и школа-то! Прощевай.

Школа построена в те же доисторические времена, что и церковь. Три этажа, красный кирпич, светлая краска. Завитушки на фасаде. Краска облетела,

завитушки обвалились, крыша провалилась. Все окна первого этажа — забиты досками и оргалитом.

Перед школой — место для линейки и памятник. Бетонный обелиск, а на верхушке, на толстом стержне приварена красная звезда. Павшим героям. В середине обелиска углубление, там список героев был, но его наверное отодрали и продали.

Постучал в огромную железную дверь. Никто не отозвался. Порылся в карманах, нашел связку ключей. Отпер, вошел... и потерялся в темном коридоре. Где тут выключатель?

Растопырил руки, пошел наугад, направо. Потихоньку глаза привыкли к темноте. В коридоре валялось много всякого хлама. Поломанные парты, вешалки, ящики, учебники, разорванные карты, помятые глобусы, запыленные портреты великих людей, старинные вольтметры-амперметры, битые колбы, черно-белые телевизоры с дырками на экранах, лыжи... доска с фотографиями пионеров-героев... четыре бюста Ленина с отбитыми носами... ободранное чучело волка и пластиковый человеческий скелет с оторванной рукой.

Прошел направо до конца коридора. Ход налево вел к лестнице на второй этаж, а на правой стене — еще одна дверь. На ней надпись мелом «Квартира учителя». Под ней кто-то нарисовал карандашом писающего человечка с голым задом и написал «Антон Чехов — пидарас». Надпись была частично соскоблена, поэтому получалось «ончепир».

И для этой двери я нашел ключ. Открывал не без волнения, опасался встретить в квартире сварливую жену-старуху, которая тут же набросится на меня с проклятиями и упреками, а потом будет месяцами пилить как циркулярная пила. Никто меня однако за дверью не поджидал.

Я очутился все в той же ясеневской квартире. За окном — знакомый двор. На стенах — все те же книги, в кухне — холодная Лысьва и Саратов с немецкой колбасой.

...

Тут и осенило меня.

Не было у меня никогда ни детей, ни друзей. Я никогда не был женат. Не застревал в метро. Не переходил через речку Тачу. Не существуют ни Натка, ни

Марика, а мое прошлое — подлог, фальшивка, придуманная ИМИ.

Ты не человек, а фейк, бот, ончепир.

Нет у тебя родных и близких, но есть вложенная кем-то тоска по ним, боль за них. Ее вложили для того, чтобы легче было дергать за ниточки, управлять марионеткой. Способности тебе дали не для того, чтобы ты сады в автобусах разводил, а для того, чтобы ты для них что-то особенное, невероятное сотворил. Стрельба по памятнику была проверкой, сможешь ли. Сюжет хорошо разработан... и неизбежная кульминация ждет тебя за следующим поворотом. За вами первый шаг, — сказал Колобок. Пора было этот шаг сделать.

Конец

Удивительно легко колдовать, когда знаешь, что, собственно, хочешь. Уже через несколько секунд после того, как я принял решение, рядом со мной сидело два моих двойника, или... представителя. Двойнику номер один, Джекилу, я сказал: Не умничай, дави на сантименты!

Он кивнул и пошел искать джип с старлеем и бугаем. Их он должен был попросить отвезти его к дому на Ломоносовском, в котором я когда-то жил, ностальгия мол, перед тем, как вершить судьбы мира и посетить живое божество в Кремле, хочу потрогать старые стены, приобщиться, напиться.

Джекил перенял от меня все, кроме способности к изменению реальности: внешность, одежду, манеру говорить, голос. Надеюсь, он не подведет.

Для волкодава я припас другую обманку. Мое второе альтер эго, мистер Хайд, вовсе на меня не похожий, гнусный тип, похожий на Распутина, должен был отправиться в Кремль с чемоданом пиротехники и начать там палить. Волкодав подумает, что это я, и полетит туда.

Похлопал Распутина по плечу... он вылупил глаза и мрачно посмотрел в пол... представил себе, как он идет от Благовещенского к Архангельскому собору. И вот, он уже там, а я все еще у себя в Ясенево, у окна стою, чтобы меня лучше

видно было.

План заработал... старлеев Чероки прополз по нашему двору к арке дома напротив и выехал на Голубинскую. А я вышел на лестничную клетку, открыл окно и прислушался. Со стороны центра донеслись глухие раскаты... это орудовал мистер Хайд.

Я зашел в квартиру, попрощался с книгами и закрыл глаза.

А когда я их открыл, я уже стоял на небольшом заснеженном балконе на двадцать восьмом этаже главного здания МГУ и смотрел с высоты на любимый город.

Я знал, что у меня есть минутка-две, не больше. Волкодав, поглядев на Распутина, мигом раскусит мою детскую хитрость. Может быть, еще и помучает перед смертью. Мне однако было уже все равно.

Я сделаю первый ход, мой единственный и самый важный ход, который для вас, колобки-волкодавы, будет последним. Сейчас я пошлю ЕГО и всех вас в ад!

Закрыв глаза и представил себе, как со всех сторон подлетают к Москве трайденды и минитмены.

На месте Кремля образовался огненный шар... мгновенно вырос... и прыснул смертоносным светом.

Андреевский зал

Я почувствовал палящее дыхание смерти... но жар вдруг отступил... огненный пузырь начал сжиматься, а разрушенные и сожженные взрывом московские дома — восстанавливаться.

Москва восставала из руин на моих глазах... последними склеились и поднялись как модернистские матрешки новопостроенные небоскребы.

А меня выдернуло с балкона и понесло, понесло как бумажного воробья... через Москву-реку... и дальше, дальше... и вот, я уже стою в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца с голубыми шторами на окнах... передо мной

под резным позолоченным балдахином с горностаями сидит на троне — САМ. За ним — двуглавый орел, корона, над балдахином — огромная золотая звезда... Солнце что ли.

Сам... на реального Путлера и не похож... скромный человек с европейскими чертами лица, одет в костюм с бабочкой, в руке — маленькая китайская чашечка, кажется, с халвой... ножки аккуратно на подушечку поставил... ботиночки... как два утюжка... На меня посмотрел спокойно, без ярости, ласково даже, ухмыльнулся правда чуточку криво, как сутенер, и сказал бархатным баритоном с перышком: Приветствую вас в Кремле! Вот вам подушка, садитесь прямо на паркет... а я уж тут посижу... редко, знаете ли, выпадает возможность... вот так по-царски посидеть.

Кинул мне узорчатую подушку. Я подушку поймал, но так и остался стоять. Сам продолжил: Да-с, накормили вы нас березовой кашей... бурю устроили... в стакане воды... совсем вы запутались, писатель вы наш распрекрасный! В игривой вашей упоенности забыли, что уничтожить можете только вами же самим созданный город... Реальность-то давно от вас упорхнула. Сизым облаком. Живете в защитном бреду, господин хороший... И не смотрите на меня так... как бык на тряпку, хе-хе... в крысу вам меня превратить не удастся, поверьте... Вы ведь тут гость, а я хозяин, и могу с вами все что моей душеньке угодно сотворить... Не хотите ли поучительствовать в славном сельце Угрюмове? Вам там понравилось, я заметил... Неужели вы и впрямь надеялись обвести меня вокруг пальца как мальчика? И какая извращенная фантазия... Распутин в Кремле! С фейерверком. А вы в это время значит на балкончик... ракетки подогнали — и бу-буух! Как бы не так, не вышло-с! Мы с вами до сих пор поступали гуманно, так, пощекотали немного нервишки, а вы нас — в радиоактивную пыль? Хотите опять в поезд, к милым нашим женщинам? Они вас ждут. Или в петлю? В бетономешалку? Или — последняя разработка — в Александровскую слободу, прямо на кол или без шкуры — в чан с кипящим маслом? Что, затрепетали крылышки? Не бойтесь... в ту пору лев был сыт... да и не стал бы я вас с того света возвращать для наказания... много чести... так... любопытно было посмотреть на коллегу... обладать такой властью и использовать ее для выращивания овощей, на шутки с мумией... и для

уничтожения собственного создания. Печально, печально... а мы ведь могли объединить усилия, вы и я, и построить новый, прекрасный мир... Великолепие чрезвычайное сотворить.

— Вроде этого вашего зала с позолоченной лепниной? Сколько наварили на реставрации? Это мещанство. Фантазия Николая Палкина. Та же Золотая орда. Для царя — халва, а для раба — кнут, осклизлый кол и чан с кипящим маслом.

— Не надо, не надо банальности тут мне повторять, герр Мейер... Это скучно... Уверяю вас, будь вы на моем месте... смертей было бы еще больше... раз в пять. Хотите пари? Вернемся в ельцинское время и передадим... вам... матушку Россию... и посмотрим, что вы с ней сделаете... Сравним.

— Нет уж, увольте... я и своей-то жизнью распорядиться толком не смог... Да и правы вы, пожалуй, будь я на вашем месте, начал бы кромсать по-живому. Попытался бы отделить овец от козлиц, да и отправил бы всех совков на Солнце...

— Ага... признаете? Значит, не все мозги вам мои чудо-богатыри отшибли.

— Какие к лешему богатыри?

— А те самые. Которые из – Градов... Сейчас я вам их покажу. Для разнообразия, а то от тоски помереть можно!

— Только ради бога, без саврасок и сивок-бурок. Терпеть не могу кавалерии! Они вам тут паркет испортят.

Сам усмехнулся по-урочьи, щелкнул залихватски коротенькими пальцами... и позади меня появились три фигуры. Не узнать их было невозможно. Двое с окладистыми бородами, один с бородкой. Первый, здоровяк с палицей и в кольчуге — Илья Муромец, второй бородач, с мечом — Добрыня Никитич, третий, с луком и стрелами, Алеша Попович.

Все трое подошли к невысокому ступенчатому пьедесталу, на котором стоял трон, и, грубо оттолкнув меня в сторону, картинно встали перед ним, как мушкетеры, на одно колено, сняли шлемы и преклонили гривастые головы.

Сам осмотрел их с видимым удовольствием... благожелательно кивнул, положил в рот кусочек халвы. Богатыри встали с колен, оттряхнули штаны, положили руки друг другу на плечи и тяжело заплясали какой-то древнерусский сиртаки, не сводя огромных черных глаз с Самого.

Добрыня заиграл на губной гармошке музыку.

Ямщик-Илья ужасно косолапил.

А Попович неудачно повернулся и уронил колчан... стрелы его разлетелись по сверкающему паркету, как палочки для игры в микадо.

Сам нахмурился, раздраженно щелкнул пальцами и богатыри исчезли.

— Bravo, bravo, господин волкодав. Вы разоблачены. Кого еще на потеху позовете? Соловья-разбойника, Бову королевича или Китовраса? Куда теперь направимся? На берега Светлояра или на Калинов мост?

Не стоило мне его дразнить, но другой возможности прекратить этот спектакль у меня не было. Декорации тут же переменились. Сам пропал вместе с тронном... зал стремительно уменьшился в размерах... передо мной показались знакомый шкаф, кресло, красная тахта.

Меня опять загнали в ясеневское гнездо.

Трюк мой не удался.

Звонок

В половине первого ночи в моей квартире раздался звонок. Я дремал в кресле. Звонок испугал меня. После неудачной попытки уничтожить мир, в котором я против воли находился, и свидания в Кремле — я был дезориентирован, пассивен, слаб. Миры и эпохи крутились вокруг моей головы, как бабочки, остановить их я не мог... в ушах жужжало эхо множества голосов... перед глазами проносились обрывки видений.

Я нашел в себе силы встать только когда позвонили в третий раз. Не сразу сообразил, что звонят в дверь. Отвык от простого звучания. Ззззззыы... Моя немецкая дверь пела как канарейка.

Посмотрел в глазок — и не разобрал, кто там.

Вроде бы знакомый силуэт... мужчина в пальто и шапке с опущенными ушами.

Старлей? Нет, нет конечно... у старлея военная выправка... и наглость читается в

каждой линии... а этот силуэт не был мне враждебен... скорее вызывал жалость. Колобок? Тот был на голову ниже, и всегда демонстративно открывал своим ключом. Отпер. Заглянул гостю в глаза. На мгновение оторопел, но тут же собрался, сбросил с себя ужас и протрацию как жмущие перчатки, обнял его, прижал к груди.

— Проходи! Проходи скорее, небось замерз. Вот... возьми эти тапочки... пальто на вешалку, а шарф оставь, у меня холодно... и сразу на кухню, я кофе сварю. Боялся не узнать его голос... кто знает, может быть и он... копия или эхо.

— Антоша, ты же знаешь, я растворимый кофе не пью. Я привез с собой настоящий цейлонский чай. Принцесса Нури. А где Ирхен? Малышка? Спят? Он, он, его хрипловатый голос.

Замаялся... не мог же я ему сказать, что вторую жену и дочку видел последний раз двадцать два года назад... а его самого за три года до этого.

— Спят, спят... Садись на свое место у окна... там дует немного... я дам тебе наш старый плед... помнишь, Леопард, который я в Синтетике купил, на Ленинском. Я говорил это и вспоминал, как несчастный плед закончил свои бранные дни. Моя теща случайно подпалила его на кухне. Плед разрезали на тряпки. Мы уселись за наш зеркально белый кухонный стол, Миша положил на него свои большие руки скрипача... сидел поникший... смотрел вниз, как бы что-то припоминая. А я глядел на него. Боялся как-то потревожить его своим любопытством... спугнуть... не хотел, чтобы он исчез как призрак.

Мой друг, сидящий сейчас передо мной, умер в начале девяностых, в Испании, при невыясненных обстоятельствах... мне об этом сообщили в письме его родственники, намекали многозначительно на что-то... я все эти годы скучал по нему.

— Антоша, извини, я забыл чай... Одурел, должно быть, от мороза. Завари индийский... У тебе же где-то валялся. Даржилинг. Меня что-то знобит. Где твой Леопард?

— Сейчас принесу.

Я быстро прошел в комнату, открыл шкаф... там, на второй полке слева должен был лежать аккуратно сложенный плед. Но там ничего не было. Я закрыл глаза. Плед послушно появился. Но вместо леопардовых пятен, он был покрыт

красными и синими треугольниками. Тратить время на раздумья не хотелось. Поспешил в кухню. Удивился — там был выключен свет. Щелкнул выключателем. Кухня была пуста. На зеркальной поверхности стола были видны отпечатки ладоней.

...

В ванной комнате шумела вода!

Постучал и зашел. Меня обдало горячим паром.

Мой друг лежал в ванне. Блаженно улыбался. Загадочно смотрел себе на пупок.

Одежда его валялась на полу.

Сгрэб ее и унес в комнату, бросил на тахту. Сел около ванны на табуретку.

— Миша, расскажи о себе. Мы так давно не говорили, друг.

— Я живу расчудесно. Хожу на работу и кушаю хлеб. После работы слушаю

Тото Кутуньо и учу итальянский. Ночью сплю. Был у тебя неделю назад.

Никогда не забуду граппу, настоящую на черной смородине, и трюфеля. Ирхен рассказывала, что ее шеф спятил и поцеловал толстую кассиршу, которая ущипнула его жену, а ты утверждал, что если очень сосредоточиться, то можно услышать то, что говорит или думает президент США в Белом доме. Малышка часто плакала, а Ирхен дала ей маленький кусочек шоколада.

— А-а. Граппа, шоколад... Помню... Это было перед смертью Брежнева. К тебе приезжал гость из Италии и оставил гостинцы... Как же его звали? Джеронимо?

— Джузеппе. Он и сейчас в Москве. Улетит послезавтра. Ты так говоришь, как будто это было давным-давно. Подожди, а что, Лёня умер пока я к тебе на метро ехал? Он же бессмертный! Что ты несешь, Антоша?

— Какое сегодня число, дорогой? Назови мне пожалуйста день недели, месяц и год.

— Десятое ноября, среда. Ну да, уже одиннадцатое, четверг. Что еще сказать?

Дважды три — семь. Трижды восемь — двадцать пять. Достаточно?

— Скажи, какой год.

— У тебя что, жар? Год паскудный, как и все остальные. После Олимпиады в Третьем Риме второй.

— Старик умер вчера ночью. Его тогда в Ташкенте по куполу хрястнуло. Вот он и помре. Сегодня утром объявят. Похороны пятнадцатого. Преемником будет

Андропов.

— Ценю твою фантазию. Ты всегда делал две вещи хорошо — быстро бегал и фантазировал.

В ванную неожиданно заглянула Ирхен. Потрясла кудрявой головой и засмеялась. Хмыкнула.

— Какой у вас тут интим. Аж завидно! Привет, Мишенька, голенький!

Из комнаты донесся детский плач.

Меня затрясло так, что я испугался приближения неврастенического припадка. Начал рубить почти в панике: Да, Андропов поправил год и окошел. Потом был этот придурковатый, задыхающийся, Черненко. Но и он помер быстро. Затем Горбачев, он начал перестройку. Раскрутил гайки. В девяностом я уехал, а ты разбогател. СССР развалился в 91-м. В 99-м взрывали дома, Ельцина сменил гэбист Путин и правит до сих пор. Шесть лет назад Россия напала на Грузию. Недавно аннексировала Крым и атаковала Украину. Завоевала пол-Европы. Грозит всему миру. Меня привезли сюда насильно. Я давно не могу понять, сплю я или бодрствую. Кажется, мы все больше не существуем. Ты умер двадцать три года назад в Барселоне. Твое тело нашли на пляже. Расскажи мне, что случилось. Расскажи!

Друг мой молчал, загадочно улыбался и смотрел на свой пупок.

Потом неожиданно произнес: Меня задушил любовник. Завтра состоится суд.

Из комнаты все еще доносился плач моей дочери и увещевания Ирхен.

Тут еще раз позвонили. Я побежал открывать. За дверью стоял старлей. Я захлопнул дверь перед его носом и кинулся в комнату. Но она была пуста. Вещи Миши лежали на тахте. Заглянул в ванную... никого. Вернулся в комнату — вещи пропали. Пошел в кухню, открыл холодильник. Пусто. Вернулся в комнату, а там ничего нет, голые стены. Побежал в кухню — и там тоже пусто. Только плед лежит на подоконнике. Завернулся в плед, лег на пол и громко завыл.

Всю ночь мне снился голый мертвый Брежнев. Он противно чмокал и шамкал парализованными губами. Иногда принимался отвратительно хохотать, держась за синий живот. Подползал ко мне, приближал ко мне свое ужасное мертвое лицо, широко раскрывал рот и показывал черный язык и редкие потемневшие

зубы. Под его языком располагалась поблескивающая желтыми огоньками Москва.

Суд

Ночью моя комната превратилась в карцер. Метров пять квадратных. В двери — маленькое зарешеченное окошко. В потолке — невыключающаяся грязная лампочка, заливающая помещение неприятным рябым светом. Железная койка, умывальник, замызганный толчок без сидения. Из крана сочится мутная вода, туалетной бумаги нет. Матрас набит соломой. Из белья — только плед.

Закрыл глаза. Попробовал лампочку выключить. Не вышло. Значит я тут раб.

Тошно.

Принесли завтрак и тюремную одежду. Передали через закрывающееся прямоугольное окошко в двери. Горячая вода в кружке и кусок хлеба. Полосатые портки, рубаха, ботинки сорок шестого размера без шнурков. Все грубое, поношенное, с заплатами. Оделся, обулся. Лег на койку. Резкий голос тут же пролаял из коридора: Не ложиться! Стоять или сидеть!

Голос явно Петин. Значит, комедия продолжается... меня не вынесло в реал... и есть шанс выбраться.

Быстро понял — главное не думать о замкнутом пространстве. Надо попробовать закрыть глаза и представить себе широкие светлые улицы, лесные поляны, заросшие дикой земляникой, цветущие яблоневые аллеи, величественные панорамы Кавказа. Сколько прекрасного есть на свете!

Нет, не выходит. Сквозь залитые солнцем парижские набережные проступали тюремные стены, на ослепительном пицундском небе вдруг появлялась мерзкая лампочка, на белоснежных склонах Аляскинского хребта кто-то рисовал ржавую койку, а бесконечные крымские тюльпановые поля превращались в красно-синий плед...

Не хочу описывать то, что уже много раз описано корифеями жанра и знаменитыми сидельцами.

Особенно мучили меня в карцере не боязнь замкнутого пространства, не голод и не холод, не одиночество, а неожиданная гостья — руминация. Любая приходящая в голову мысль как бы воспалялась, клонировалась... и повторялась, повторялась сотни, тысячи раз... смысл высказывания терялся уже на пятом повторении, а на пятисотом раскалывалось само бытие.

Я пробовал все... пытался не думать... громко пел... танцевал... бился головой о стену.

Не знаю, как долго я безумствовал... неделю, месяц или год.

Наконец, дверь в камеру открылась. Бугай Петя и старлей, оба в парадных формах, подхватили меня под руки и потащили в душ, бросили там на цементный пол и поливали с полчаса из шланга холодной водой. Эта процедура с успехом заменяла избиение ногами. Потом отвели в душевую кабину, вымыли, растерли полотенцами, подстригли мне волосы и ногти, побрили, припудрили, одели в приличную одежду, сунули мне под язык два куска колотого сахара и повели в тюремный суд.

По дороге я не удержался и спросил, сколько времени я провел в карцере.

Ответил мне Петя бугай: Три дня всего. Но для гниляков хватает.

И тут же отвел от меня глаза.

...

Суд проходил в ничем не примечательной комнате, похожей на школьный класс. За учительским столом сидела знакомая мне уже по лобному месту троица — судья, он же прокурор, и два кивалы-заседателя, они же палачи. Во всех четырех углах комнаты стояли осветительные приборы и стационарные телекамеры.

Операторы настраивали аппаратуру. Пятая камера висела на потолке и, неприятно попискивая, вращалась. Мое место было у боковой стены, справа и слева от меня стояли Петя и Гена. Все остальное пространство занимали стулья рядами, для публики. Окна были плотно зашторены.

Я был готов к тому, что и тут повторится прежняя комедия. Ожидал скорого разбирательства и приговора. Виселица, гильотина или расстрельная стена у них, наверное, во дворе, далеко идти не придется. Боялся одного... что этот суд

— только очередное показательное издевательство. И что после смерти я опять очнусь где-то... в карцере... а потом все повторится, как повторялись мои мысли... вновь и вновь... и мучение будет бесконечным.

Суд начался с показа фильма: – Жидобандеровские фашисты — кто они?

После титров на экране появился диктор, один из путинских холуев, кажется Дмитрий Киселев, а может и нет, для меня все они на одно лицо. Он долго говорил что-то, пускал слюни, потрясал кулаками и скрежетал зубами. Затем показали страшные сцены расстрела гитлеровцами евреев, сражающихся солдат в форме украинских националистов (эти сцены напоминали ролевые игры)... вот мелькнули лица Бориса и Марка. Появился и я. Камера долго смаковала стрельбу в Мемориале в Третьяковском парке. Причем выходило все так, как будто весь Мемориал разрушили мы втроем для удовлетворения своей патологической русофобии. Потом опять бесновался Киселев. Еще несколько расстрелов. А затем показали падающую берлинскую телебашню, взрывающийся собор, руины здания Бундестага... все это приписали нам. Мы якобы уничтожили Берлин... чтобы свалить вину на ни в чем не повинных российских войнов-освободителей, прибывших туда для спасения немецкого народа от жидобандеровских фашистов, т.е. от нас. В финале под рев фанфар показали Путина в длинной шинели с огромным мечом в правой руке, прижимающего к себе левой маленького белокурого немецкого мальчика. Постепенно живой Путин с мечом превратился на экране в бронзовую статую. Диктор патетически заявил, что добро победило зло... затем недолго показывали виртуальную модель нового Мемориала... на месте солдата-освободителя красовался бронзовый Путин соответствующей величины, а вместо Родины-матери сидел на постаменте Родина-отец, тот же Путин, только в мраморе. Фильм закончился. Судья и заседатели зааплодировали первыми. За ними захлопала в ладоши и публика. Все показанное в фильме меня не удивило... удивили меня проскочившие в этой чудовищной ленте несколько раз кадры, явно не имеющие отношения к жидобандеровцам... возможно монтажер что-то не досмотрел... или схалтурил... и в фильм попали кадры из какого-то фильма, ужасно напоминающие мой приснопамятный сон. Тот, в котором мне откусила голову самка с перепончатыми крыльями. Я тут же узнал и промелькнувший ландшафт с

коническими башнями и провалами, и две луны, и гигантскую, состоящую из бриллиантов, статую богомола с воздетыми к чужим небесам конечностями.

...

Все проходило как положено.

Судья-прокурор метал громы и молнии. Заседатели смотрели на меня как совы на цыпленка. Публика ревела и требовала сурово наказать. Камеры работали без перерывов. Я молчал, старался не слушать всю эту дрянь, смиренно ожидал приговора и казни. Единственное, что слегка оживило процесс, были свидетельские показания Бориса Каневского и Марка Штейна, освобожденных от преследования за – чистосердечное раскаяние и помощь следствию. Оба свидетеля показали, что были втянуты в террористическую группировку присутствующим здесь фанатом Гитлера и Бандеры Розенмейером при помощи запугивания и шантажа, что участвовали в уничтожении Мемориала советским войнам-освободителям против воли, что руководил всем циничный негодяй Розенмейер.

Приговор, монотонно зачитываемый судьей, я тоже не слушал, закрыл глаза и прощался мысленно с теми близкими мне людьми, которые вернулись в мою память... действительно ли они существовали или нет, было уже не важно.

Неожиданно судья перестал бубнить. И тут же какой-то мужчина что-то громко закричал, а за ним закричали и завизжали и другие. Я открыл глаза...

Трясущиеся, ставшие полупрозрачными, судья и оба заседателя превращались у всех на глазах в чудовищ, напоминающих жуков-оленей. Их членистые тела металлически отсвечивали, они свирепо потрясали метровыми рогами и вращали усиками.

Публика в ужасе отпрянула.

Старлей и Бугай взяли меня под руки и вывели из зала. В последний момент я видел, как, завершив превращение, жук-судья набросился на полную женщину средних лет, сидевшую в первом ряду, и перекусил ее пополам, а жук-заседатель проткнул рогом горло ее соседа, молодого человека, несколько минут назад особенно рьяно требовавшего сурового наказания жидобандеровцу Розенмейеру. Меня вывели в тюремный двор и отпустили. Я глубоко вдохнул, прыгнул, расправил свои перепончатые крылья и полетел к светящейся статуе богомола.

Квадратное в плане здание тюрьмы казалось с высоты почтовой маркой, лежащей на песчаном пляже. Вот... ее покрыла волна... и уволокла в рочущую преисподнюю.

В раю

Я стоял на склоне пологого холма, на полянке, поросшей короткой мягкой травкой, на берегу небольшого овального, как будто ножом вырезанного в земле водоема с темной, но прозрачной водичкой. За холмами виднелись голубоватые горы... над ними вились длинными лентами стаи птиц... белых, желтых, темно-синих.

На берег вылез тюлень... сверкнул зрачком и как будто улыбнулся.

Петушок пил, стоя на берегу, теплый ветерок трепал веер из перьев на его коротком хвостике. Рядом с ним сидел красавец-фазан. Он токовал и недоверчиво, косо поглядывал на меня.

Из воды выскочила летающая рыба с мордой похожей на дельфинью... полетала и плюхнулась в воду. Под водой мелькнула коса русалки.

Черный единорог с рыбьим хвостом, лягушачьими ручками и длинным носом муравьеда важно читал на плаву газету.

Трехголовый аист с павлиньим хвостом охотился на лягушек... головы тянули его в разные стороны... он все время промахивался.

На траве сидел обнаженный юноша. Он замороженно смотрел на коленопреклоненную девушку с длинными золотистыми волосами. Девушка глядела на крупных рыжих муравьев, несущих жирную оранжевую гусеницу. Голубой лебедь дал мне спелую, упругую, с крупный арбуз ягоду красной смородины.

И вот... я лечу в теплых небесах, а ягоду держу перед собой на вытянутых руках. Подо мной — широкая долина...

